

СПЕЦВЫПУСК

ЯНВАРЬ/2021
УКРАИНА

СОВЕРШЕННО ТАЙНО

№01 (178)

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

с 1989 году

**РУКИ
ВВЕРХ!**

Я САНТА-КЛАУС

В НОМЕРЕ:

КИНОШЕДЕВРЫ

7

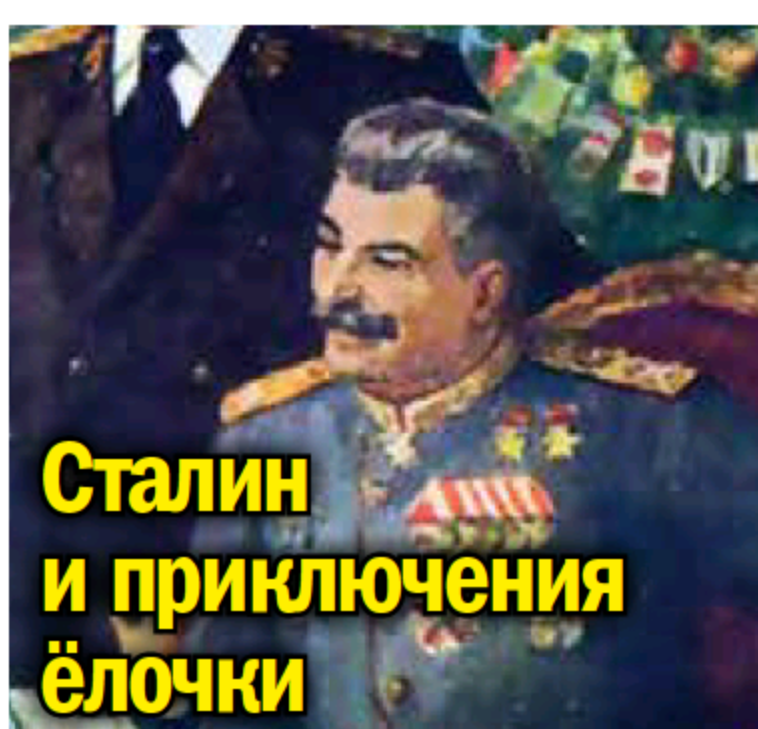
СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

16

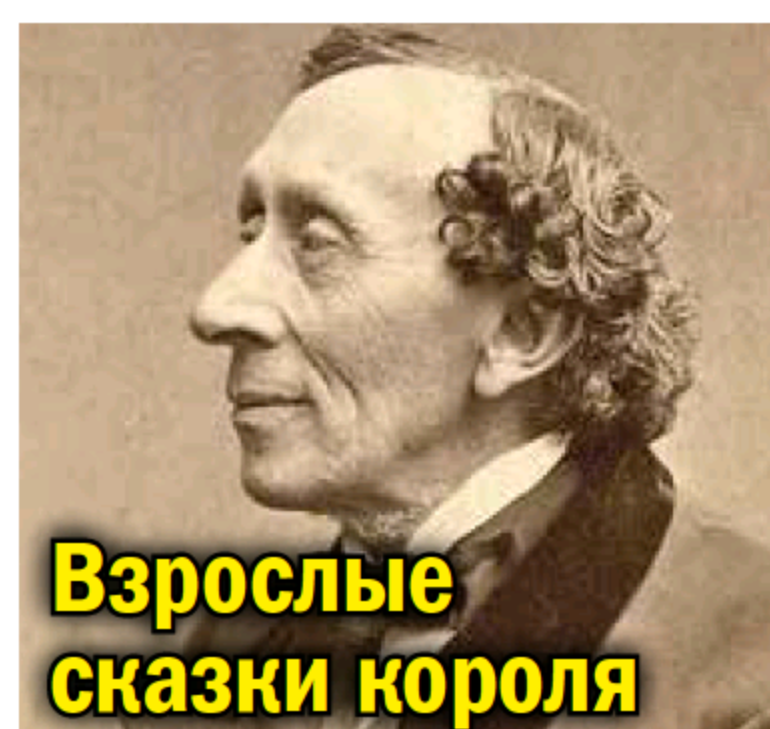
ТРАДИЦИИ

20

ПЕРСОНА

4

С НОВЫМ ГОДОМ, МИР!

Полина ДЕЛИЯ

Специально для «Совершенно секретно»

Говорят, что месяц январь получил свое название в честь языческого римского божества Януса, который, как известно, был двулик. Видимо, поэтому он и был выбран для этого месяца: одно лицо направлено в прошлое, другое – в будущее. Оборачиваться на ушедший 2020 год что-то совсем нет желания, смотреть на наступающий 2021 – тоже тревожно. Зато с интересом можно посмотреть по сторонам и вспомнить, как весело, шумно и – самое главное! – так по-разному принято встречать Новый год в разных странах. Редакция «Совершенно секретно» крутит глобус в поисках самых интересных традиций и поздравляет всех с наступающим!

Известный факт, что в католических странах Рождество важнее Нового года. Один из неотъемлемых атрибутов праздника в европейских странах – рождественские ярмарки. Там можно прикупить ремесленных продуктов местного производства и из других регионов, подобрать необычную елочную игрушку или присмотреть подарки для близких. Можно даже ничего не покупать, а просто походить между украшенными палатками, чтобы почувствовать эту атмосферу волшебства, перехватить жареных каштанов или стаканчик глинтвейна для настроения... Пропустить рождественские ярмарки практически невозможно, так как они проходят не только на всех главных площадях, но и у основных достопримечательностей. Например, в Милане традиционный Mercato Natalizio проходит у главного собора – Дуомо, а одна из старейших ярмарок Oh Bej! Oh Bej! – у Кастелло-Сфорцеско. Не отстают и провинции. Например, в маленьком Комо на берегу озера Комо не ограничиваются только рождественской ярмаркой. Каждый декабрь там проводят традиционный фестиваль Città dei Balocchi. В самом центре на стены домов проецируют световые инсталляции на рождественскую тематику, и город становится похож на ожившую сказку. Посмотреть на это шоу съезжаются со всей Ломбардии и не только.

РОЖДЕСТВО ПО-ЕВРОПЕЙСКИ

В католических и некоторых протестантских странах распространена традиция рождественских вертепов. Небольшие композиции с использованием объемных фигурок, воспроизводящих сцену Рождества Христова, устанавливают не только в церквях и храмах, но и у себя дома. Неизменные герои рождественских вертепов – Дева Мария, Младенец Иисус и Святой Иосиф. В зависимости от масштабов вертепа и местных особенностей в сцену могут быть добавлены ангелы, волхвы, пастухи с овцами, осел или вол, а также лошади, верблюд и даже слоны. Кто-то покупает уже готовые композиции, а кто-то составляет их сам. Рождественские вертепы мастерят из керамики, дерева, пластмассы, стекла, бумаги, металла и других материалов. Даже собирают из LEGO. Но самые эффектные рождественские вертепы, пожалуй, собирают из природных материалов: для пещеры используют натуральный камень, а пол покрывают настоящей соломой. Особенно мастерски выглядят вертепы с подведенным электричеством и журчащим фонтаном в виде водопада. В брюссельской базилике Сакре-Кёр был сооружен самый большой вертеп в мире, который занял весь первый этаж, а по размеру фигур главных героев вошел в Книгу рекордов Гиннеса рождественский вертеп, сооруженный в... Мексике.

ПРАЗДНИЧНЫЕ СКАЗКИ

Удивительны и поверья, связанные с Рождеством или Новым годом. Например, маленькие итальянцы верят, что в новогоднюю ночь к ним прилетает добрая фея Бефана на волшебной метле. По одной версии Бефана всегда прилетает через дымоход, а по другой – у нее есть специальный ключик, который подходит ко всем дверям. Дети заранее развешивают носки, а Бефана оставляет там гостинцы. Тем, кто плохо учился или шалил, Бефана подкладывает уголек. Несмотря на явную отсылку в этой истории к Санта-Клаусу, отдельный Дед Мороз в Италии тоже есть – это Баббо Натале. Баббо с тосканского диалекта – папа, а Натале переводится как Рождество. Баббо Натале «паркует» свои сани на крыше и проникает в дом через трубу или окно. Подарки Баббо Натале оставляет под елочкой, а на случай, если ему самому захочется перекусить, в каждом доме его ждет чашка с молоком.

Есть свои Рождественские Папы и в других странах. Например, в Великобритании – это Father Christmas, а во Франции – Père Noël. Для финских детей есть история про Йоулупукки – смешное имя дословно переводится как «рождественский козел». Правда, оскорблять волшебного деда никто не хотел, просто так сложилось исторически, что люди, которые разносили подарки, надевали козлиные шубы.

В Германии целых два Деда Мороза – Санта-Николаус и Вайнахтсман. Причем Санта-Николаус приходит не один, а вместе со своим слугой Рупрехтом, и не на Рождество, а еще 6 декабря – в день святого Николая. В Рождественскую ночь приходит Вайнахтсман – добродушный старик с длинной белой бородой и в красной шубе с мешком подарков за плечами. Ну, точно копия нашего Дедушки Мороза!

В Чехии и Словакии есть дед Микулаш и Ежишек. Как и немецкий Санта-Николаус, он также приходит в ночь на 6 декабря и внешне тоже напоминает нашего Деда Мороза. Правда, подарки он приносит не в мешке, а в заплечном корбе. Сопровождают деда Микулаша белоснежный ангелок и лохматый чертенок, первый отвечает за сладости, а второй – за угольки в подарках. Но самый загадочный новогодний персонаж – это Ежишек. О его внешности неизвестно практически ничего – только звон колокольчика, которым Ежишек сообщает, что положил подарок под елку.

У испанского нового года сразу трое волшебников – короли-волхвы Мельчор, Гаспар и Бальтазар. Испоко веков они приносят подарки в Испании, именно они преподнесли свои дары младенцу Иисусу. Ведь Испания – католическая страна и влияние католических традиций на праздники здесь очень велико. Театрализованное шествие La Cabalgata проходит по всей Испании вечером 5 января. В каждом городе свой сценарий, например, в прибрежной Галисии – волхвы приплывают на кораблях, а в гористой Сьерра Неваде – спускаются на лыжах, где-то по традиции приезжают на верблюдах, могут прилететь на вертолете или даже воздушном шаре... Но суть неизменна – короли-волхвы въезжают в город к восторгу собравшихся детей. В крупных городах места на шествие волхвов приходится даже занимать заранее, а некоторые испанцы умудряются ставить стремянки, чтобы детям было лучше видно. Обычно у каждого ребенка есть свой любимый король, которому он пишет письмо с пожеланиями, ведь они даже выглядят по-разному: Мельхиор представляет европейские народы, Каспар – представитель Азии, а Бальтазар – народов Африки.

ЗИМА НА ЮГЕ АФРИКИ

Необычнее всего, конечно, встретить Новый год вдали от привычных для нас стереотипов о празднике. Например, в Африке. Ждать снега в самой южной стране африканского континента не стоит: запускать салюты здесь не принято, да и елки здесь тоже не растут. Зато елки ставят искусственные и обязательно украшают окант мерцающими гирляндами. Новый год в ЮАР отмечают не с таким размахом, как у нас. Все же главным праздником здесь, как и во многих других странах, остается Рождество. Причем отмечают Рождество все, вне зависимости от расы: белые европейские переселенцы, чернокожее местное население и капские малайцы, которых здесь называют цветными. Даже мусульмане отмечают Рождество, конечно, не в религиозном смысле, а как добрую традицию – собраться большой семьей за одним столом. Получается, что 25 декабря – огромный семейный праздник для всех юарцев, а 26 декабря – День подарков. Причем обмениваются не только друг с другом, но и устраивают благотворительные акции, например, помогают оплатить празднества малообеспеченным и дарят

подарки маленьким детям.

Не удивительно, что после двух насыщенных дней сил на празднование Нового года практически не остается. Поэтому 31 декабря все стараются уехать поближе к океану. Как раз в это время на побережье проводится много музыкальных фестивалей, на которые съезжается молодежь со всей страны, ведь университеты и школы закрыты на каникулы. Еще в новогодние дни принято собираться на брай (braai – версия барбекю в ЮАР. – Прим. ред.). Традиция готовить еду, готовить на открытом огне, объединяет людей за одним костром под Новый год. 1 января все пляжи заполнены чернокожими жителями ЮАР. Причем они могут весь год не ходить на пляж и вообще не уметь плавать, но традицию никто не отменял.

У капских малайцев тоже есть свои традиции. Дело в том, что первые малайцы были привезены в Африку в качестве рабов, поэтому они работали круглый год, в том числе и 1 января, когда их хозяева отдыхали. Праздновать Новый год им разрешали только на следующий день, поэтому 2 января они веселились за весь год: надевали яркую одежду, пели, танцевали и гуляли. Те времена давно прошли, а традиция осталась. С тех пор в Кейптауне, как самом старом городе ЮАР, проводят ежегодный парад менестрелей.

НОВЫЙ ГОД НА ИСХОДЕ ЗИМЫ

В Азии же, по большей части, привязки праздника к определенной дате нет. Каждый год праздник выпадает на разные даты – между 21 января и 21 февраля. Происходит это потому, что традиционный китайский Новый год приурочен к зимнему новолунию, поэтому иногда его называют «лунным». Причем дословно этот праздник и вовсе переводится как Праздник весны. По мнению китайцев, в этот день пробуждается от зимней спячки природа. В первый день нового года китайцы запускают фейерверки и шутихи, сжигают благовония, чтобы отпугнуть злых духов и привлечь в дом счастье. Даже вдали от своей страны китайские мигранты поддерживают традиции, например, развешивают на окнах красные фонари и свитки, которые, как они верят, тоже должны отпугнуть злых духов, а еще устраивают театрализованное представление – танец дракона. Посмотреть, как специально обученная команда людей водит по улицам дра-

кона из бамбуковых обручей и ярких тканей, собирается так много зрителей, что приходится перекрывать дорожное движение на несколько кварталов. Тем более, что от размера дракона, как считают китайцы, зависит и предстоящий год: чем длиннее дракон, тем больше удачи он принесет.

Вьетнамский Новый год – Тет – празднуют одновременно с китайским по лунному календарю. Также как и в Китае, его часто называют Праздником весны. К этому дню люди стараются вернуться домой, чтобы отметить Новый год в кругу семьи, а само празднование сопровождается ритуалами, которые имеют отношение к культу предков. К Тету приурочено карнавальное шествие, на котором исполняется танец льва, который удивительно схож с китайским танцем дракона. Кстати, танец льва устраивают также в Тайване, Корее, Японии, Малайзии. Да и в том же Китае, и тоже на Новый год. В отличие от дракона львом могут управлять два человека, находящихся внутри фигуры. В зависимости от региона львы отличаются выходом, музыкой и внешним видом, но всегда символизируют одно – отпугивание злых духов и привлечение удачи.

Камбоджийский Новый год также связан с природными циклами. Праздник длится на протяжении трех дней и выпадает на середину апреля, когда крестьяне отмечают окончание сезона сбора урожая, отдыхают от полевых работ и наслаждаются плодами своего труда. Обычно в это время стоит жаркая погода, а после начинается сезон дождей. Именно в эти дни, когда один сезон сменяется другим, и отмечают Новый год. Кхмерские новогодние традиции очень своеобразные: могут облить водой прямо на улице, а потом еще и посыпать рисовой пудрой.

В Таиланде настолько любят праздники, что отмечают Новый год три раза в году. Интерес к Новому году по григорианскому календарю – в ночь с 31 декабря на 1 января – появился недавно, благодаря многочисленным туристам и экспатам, остающимся зимовать в теплой Азии, или самим тайцам, которые долгое время учились или работали на западе. Поскольку культурное влияние Китая в Таиланде всегда было велико, то здесь масштабно отмечают и китайский Новый год. А вот тайский Новый год – Сонгкран – отмечается в середине апреля. Причем нужную дату высчитывают монахи и астрологи по текущему положению звезд, в разных провинциях даты могут быть разными, но вне зависимости от провинции разгар праздника приходится на 13–15 апреля, которые считаются официальными выходными днями по всей стране.

Празднования длятся несколько дней и по размаху напоминают масштабные карнавалы.

ПРАЗДНИК У ПОЛЯРНОГО КРУГА

Впрочем, своей экзотики хватает не только в жарких странах, но и в заснеженных краях. Зимой в Гренландии длится полярная ночь. Местные украшают свои дома свечами внутри и светящимися звездами снаружи, улицы и общественные здания декорируют праздничной иллюминацией. Рождественская ночь окажется вдвойне волшебной, если на небе заиграет северное сияние. Особенно часто его наблюдают на юге Гренландии. Поскольку в городах и поселениях мало кафе и ресторанов, а где-то их нет вовсе, то обычно принято накрывать стол и собираться дома. Все привычные для нас продукты в Гренландию импортируются, в том числе и те, которые подаются к рождественскому ужину. Но есть и местные специалитеты, например, оленина, мясо овцебыка. Еще одно

необычное для нас, но привычное для гренландцев блюдо это суасат – традиционный суп готовят из мяса кита, тюленя, морских птиц или рыбы. Также на стол могут подать мактак – китовое сало с кожей. Еще здесь любят говорить, что Гренландия – родина Санта-Клауса. С этим, конечно, готовы поспорить и в Финляндии, и в Швеции, но огромные сани волшебного деда и пятиметровый почтовый ящик стоят в гренландском Илуллиссате.

Удивительно, что в еще одном заснеженном краю – полярном архипелаге Шпицберген – праздничные традиции разделились между двумя поселками. В норвежском Лонгьербуе большинство жителей – католики, для них самый большой праздник – Рождество. А вот в русскоязычном Баренцбурге очень любят и ждут именно Новый год! Поселок небольшой и живет своей замкнутой жизнью, поэтому все друг друга знают и Новый год празднуют вместе. Бывает, что собирается весь многоквартирный дом, и соседи накрывают в кори-

доре большой стол. В Баренцбурге проживают люди, которые родом из разных городов, поэтому Новый год здесь можно встретить несколько раз за ночь в зависимости от часовых поясов, кто и откуда приехал. В итоге, к полуночи по местному времени все уже весело и хорошо. Продукты сюда доставляют чартерными самолетами, привозят сухогрузами из России, контейнерами из Германии, а вот алкоголь продают по квотам – до двух литров крепкого алкоголя в месяц – и в честь праздника больше не дадут.

С НОВЫМ ГОДОМ!

Наверняка, кому-то и наши традиции встречать Новый год за просмотром старых советских комедий, поеданием салата с зеленым горошком и загадыванием желания под бой курантов покажутся странными. Но от этого они не перестают быть нашими традициями, а Новый год – любимым с детства праздником.

ВЗРОСЛЫЕ СКАЗКИ КОРОЛЯ

Таисия БЕЛОУСОВА

Специально для «Совершенно секретно»

Он писал стихи, драмы, комедии, водевили, романы и путевые очерки. Но вошел в мировую литературу и в жизнь каждого из нас как великий сказочник. Его сказки всегда часть зимних праздников. Он и жизнь свою описал как сказку со счастливым концом в повести «Сказка моей жизни» – прекрасную и печальную.

Ханс-Кристиан Андерсен родился в датском городе Оденсе на острове Фюн. В начале XIX века в Оденсе жило около семи тысяч горожан. По тем временам – крупный город. Отец-сапожник работал для таких же бедняков, как он сам. Мать перебивалась случайными заработками. Они были, можно сказать, потомственными бедняками. Дед по отцовской линии даже помешался от горя и нужды, он стал «городским сумасшедшим», впрочем, вполне безобидным. Материнская родня была и того беднее. Мать Андерсена рассказывала, как ее совсем маленькой девочкой посылали просить милостыню; в первый день ей ничего не подали, и она до вечера просидела под мостом и проплакала. Ее сестра уехала на заработки в Копенгаген, там поступила в служанки, но в конце концов оказалась в публичном доме.

Сын Ханс-Кристиан родился у четы Андерсенов 2 апреля 1805 года. Это случилось уже через два месяца после венчания родителей. Все трое ютились в каморке, где помещались и отцовский верстак, и стол, и родительская кровать, и скамья, на которой спал ребенок. Но благодаря стараниям матери здесь было чисто и уютно. «Зелень и картины украшали нашу комнатку, – вспоминал Андерсен. – Тесное помещение казалось мне большим и роскошным, одна только дверь с намалеванным на ней пейзажем в то время была для меня столь же значительной, как теперь целая картинная галерея... Мать даже устроила крошечный огород в ящике, установленном в водосточном желобе». (Впоследствии Андерсен описал такой «огород» в «Снежной королеве».) Несмотря ни на что семья жила дружно, отец часто гулял с сынишкой в лесу, читал ему сказки и басни, мастерил игрушки. До поры Андерсенам хватало сил и смирения, чтобы довольствоваться малым, и это довольство заменяло им достаток, а может быть, и счастье.

Однажды осенью мать пошла в помещичье поле собирать колоски и взяла с собой Ханса-Кристиана. Там были и другие женщины-поденщицы. Вдруг появился управляющий с длинным кнутом, и все бросились бежать. Но мальчик не поспевал за матерью, управляющий скоро догнал его, замахнулся... «Бог увидит вас!» – вдруг сказал ребенок. Управляющий опустил кнут, потом достал из кармана монетку и протянул мальчику. «Удивительный ребенок мой Ханс-Кристиан! – говорила после этого мать. – Все его любят...»

Полоумный вроде дедушки

Действительно, мальчик был не такой, как все. Казалось, он жил в собственном мире – все время что-то выдумывал, воображал. Его одевали в перешитые отцовские обноски, а он был уверен, что носит роскошные одежды. Однажды родители взяли его в театр. Вряд ли мальчуган понял содержание спектакля, но магия театра покорила его навсегда. После этого отец по просьбе Ханса-Кристиана сделал ему кукольный театр, и мальчик теперь постоянно играл в куклы, сам шил для них

Новое платье короля. Иллюстрация Вильгельма Педерсена

наряды. Скоро он познакомился с расклейщиком театральных афиш, иногда помогал ему, а расклейщик за это дарил помощнику афиши. Мальчик даже не знал, о чем эти спектакли, но одни их названия, имена героев будили воображение, и он придумывал и разыгрывал целые представления.

Полоумный дед никогда не бывал у Андерсенов, и внук его ужасно боялся. А вот бабушка заходила частенько, иногда забирала внука с собой. У старушки был приработок: она ухаживала за садом местной богадельни. Внук любил бывать в саду, любовался цветами, как зачарованный слушал песни и сказки старушек-пансионеров. При богадельне было отделение для душевнобольных, порой оттуда доносились странные голоса. Однажды,

когда сторожа не было поблизости, Ханс-Кристиан заглянул в запретный коридор. Из-за одной двери доносилась песня без слов, она манила мальчика, словно голос русалки. Мальчик лег на пол и заглянул в щель под дверь. В комнате сидела нагая женщина с черными распущенными волосами. Каким-то сверхъестественным чутьем, присущим только зверям и безумцам, она почувствовала присутствие постороннего. Женщина подскочила к двери, просунула руку в узкое оконце, через которое ей подавали еду, и кончиками пальцев дотянулась до одежды ребенка... Ханс-Кристиан лежал едва живой от ужаса, не в силах пошевелиться, пока не вернулся сторож.

В пятилетнем возрасте Андерсена отдали в

«Школу для маленьких мальчиков» – нечто вроде подготовительного класса. Он ходил туда недолго, потому что «учителька» выпорочила его розгой. Мальчик собрал свои книжки и ушел домой. После этого его отдали в школу для еврейских детей, но ее вскоре закрыли. Затем он поступил в начальную школу для бедных, где наконец научился читать, писать и считать. Родители гордились своим чадом: учеба давалась ему легко, он никогда не готовил домашних уроков.

Среди сверстников он выглядел довольно странно. Его фантазии рвались наружу, но когда он пытался с кем-то поделиться, его поднимали на смех, дразнили «полоумным вроде дедушки». Подсознательный страх перед безумием преследовал Андерсена всю

жизнь; позднее он осознал свою исключительность, научился немного ладить с собой. А в ту пору ему пришлось поневоле ссориться сверстников.

Бедность Андерсенов становилась беспросветной нуждой. Отец сделался нелюдимым и замкнутым. Предчувствие беды нависло над семьей. И вот в 1813 году отец записался добровольцем в полк, отправлявшийся сражаться за Наполеона – Дания была тогда союзницей Франции. Вероятно, бедняга надеялся вернуться с войны офицером, вырваться из нужды. Но в боевых действиях датский Королевский полк так и не принял участия. Меньше чем через год было заключено перемирие, и датчане вернулись домой. Надежды отца не оправдались, к тому же походная жизнь подорвала его здоровье – он заболел чахоткой. Как-то зимой он показал сыну морозный узор на оконном стекле, напоминавший женщину с протянутыми руками, и горько усмехнулся: «За мною, что ли, пришла?» И верно, в апреле 1816 года, когда Хансу-Кристиану исполнилось одиннадцать лет, отец умер. «Его взяла Ледяная дева», – сказала мать.

Нахал

Городская община выделила вдове с ребенком «дополнительный каравай», но и только. Мать выбивалась из сил, зарабатывая стиркой. Это был изнурительный труд. В любую погоду прачки полоскали белье на мостках у реки Оденсе. В осеннюю стужу и в зимний холод только добрый глоток водки спасал прачек. Многие привыкали прикладываться к бутылке, это случилось и с матерью Андерсена. Уже в зрелые годы он описал подобную историю в пронзительном рассказе «Пропащая».

Чтобы как-то свести концы с концами, мать отдала Ханса-Кристиана на фабрику, где использовался детский труд. Подмастерья заставляли младших ребятшек петь и развлекать их байками. И тут выяснилось, что у Андерсена прекрасный голос, да к тому же он отличный рассказчик. С тех пор подмастерья слушали только Андерсена. Но вот кто-то из парней потребовал, чтобы певец исполнил «настоящую» песню, и даже пропел для примера пару похабных куплетов. Тут мальчик покраснел до корней волос. «Да он девчонка!» – расхохотались парни. Они решили тотчас раздеть его и убедиться в этом. Мальчик вырвался и убежал.

Больше мать не посылала Ханса-Кристиана работать. Он был предоставлен самому себе, много читал, а по вечерам продолжал играть в кукольный театр. К этому времени Андерсен стал подростком, и его трудно было не заметить, он стал своего рода достопримечательностью в Оденсе. Высокий, долговязый, с пышными светлыми волосами и длинным носом, в долгополом сюртуке и при этом в деревянных ботинках на босу ногу, он так своеобразно вышагивал, что живо напоминал молодого аиста, еще не ставшего на крыло.

О способностях Андерсена как певца и декламатора узнали в богатых и знатных семьях города. Его стали приглашать, что называется, «в дома»: кто для развлечения, а кто и с искренним сочувствием и желанием помочь юному дарованию. Подросток был забавен и обаятелен, правда, иногда чрезмерно назойлив. Впрочем, это происходило от его наивной уверенности, что все люди добры по природе и должны восхищаться его талантом. Андерсена принял в загородном дворце даже принц Кристиан, в ту пору губернатор острова Фюн. Выслушав выступление «самоходка», принц спросил: «Ты любишь театр?» Ханс-Кристиан ответил, что театр – его мечта, и тут же брякнул: «Мне советовали вам сказать, что я хочу учиться!» Принц довольно сухо заметил, что выходцу из бедной семьи следует овладеть каким-нибудь ремеслом, например, токаря.

Вот и мать ворчала, что не дело, мол, такому большому парню слоняться без работы; она считала, что из сына выйдет отличный портной – вон какие наряды он шьет для кукол. Бабушка полагала, что у внука блестящие способности и он со временем мог бы стать даже писарем!..

В это время в Оденсе гастролировала небольшая группа артистов столичного Королевского театра. Андерсен пришел в театр и в своей обычной простодушной манере рассказал, что у него нет денег на билет, но что он ужасно любит театр и его мечта –

играть на сцене. В результате ему не только разрешили приходить за кулисы, но и позволили сыграть пажа в «Сандрильоне» (водевиль о Золушке). Ханс-Кристиан ликовал – он артист!

После этого триумфа Андерсен решил: надо ехать в Копенгаген. Ему уже тринадцать лет, он скопил тринадцать риксдалеров (примерно тысяча рублей), и его ждут великие дела. Ханс-Кристиан перерос свой город, ему стал тесен провинциальный Оденсе, как старые деревянные башмаки.

Мать, конечно, не хотела его отпускать, плакала. И тогда сын напомнил ей недавнее предсказание старухи-гадалки: «Его судьба лучше, чем он заслуживает, это дикая птица высокого полета, большая и благородная, – когда-нибудь по всему Оденсе устроят фейерверк в его честь!» И мать сдалась. В глубине души она надеялась, что сын повернет назад, как только увидит бурное море. Даже она плохо знала Ханса-Кристиана, не догадывалась, какие могучие силы движут им.

И вот корабль пересек пролив Большой Бельт, Андерсен сошел на берег и сел в дилижанс. Шестого сентября 1819 года он впервые увидел Копенгаген.

Гениальный графоман

С рекомендательным письмом от знакомого оденского издателя Андерсен явился к танцовщице Королевского театра мадам Шалль. Он с порога заявил, что безумно любит театр, и тут же исполнил сцену из «Сандрильоны». Потом снял свои великолепные сапоги – «чтобы легче было прыгать!» – и станцевал. Мадам Шалль не знала, как отделаться от этого чудака. Ханс-Кристиан ушел от нее в слезах.

Упорству юного провинциала не было предела, он пробился к самому директору театра камергеру Холстейну. «Вы слишком худой, ваша фигура вызовет у публики смех!» – сказал директор. «Ах, если бы меня взяли с жалованьем в сто риксдалеров, я бы сразу потолстел!» – заявил Андерсен. Директор объяснил, что в труппу принимают молодых людей с образованием, а в ученики его могут взять только весной, и к тому же без жалованья.

Мадам Шалль, как оказалось, замолвила

словечко за Андерсена, и его взялся учить вокалу директор оперной студии Королевского театра итальянский певец Сибони. Да еще разрешил Хансу-Кристиану столоваться в его доме. Однажды Андерсен выступил перед гостями Сибони с чтением стихов и под конец так расчувствовался, что заплакал. Гости были тронуты и тотчас собрали для Андерсена 70 риксдалеров.

Но через полгода голос у Андерсена начал ломаться, и занятия с Сибони прекратились. К счастью, его взяли в балетную студию – скорее по доброте душевной, так как с его телосложением нечего было и думать о карьере танцора. Тем не менее именно как танцор Андерсен начал появляться на сцене – сначала статистом, а в балете «Армида» удостоился даже роли. На афише так и значилось: «Троль – господин Андерсен».

Через три года безуспешных попыток стать драматическим артистом Андерсен решил попробовать себя на новом поприще: он начал писать пьесы. Это были откровенно графоманские сочинения, пестревшие чудовищными ошибками. Театр, разумеется, отвечал отказами. Но автору это казалось несправедливым. И он читал свои трагедии и драмы признанным мастерам, с которыми успел познакомиться, – знаменитому датскому поэту-романтику Эленшлегеру, известному писателю Ингеману, ученому Эрстеду, адмиралу Вульффу, переводившему на датский язык драмы Шекспира. Адмиралу Вульффу он представился так: «Вы перевели Шекспира, я его очень люблю, но я тоже написал трагедию, вот послушайте!» Поэт Тиле позднее остроумно описал знакомство с Андерсеном: «Подняв взгляд от бумаги, я с удивлением увидел долговязого юношу очень странной наружности... в поношенном сером сюртуке, из слишком коротких рукавов которого торчали худые руки. Я увидел маленькие раскосые глазки, которым требовалась бы пластическая операция, чтобы видеть из-за длинного, выдающегося вперед носа. На шее у него был пестрый ситцевый платок, так крепко завязанный узлом, что длинная шея как бы стремилась выскочить из него; короче говоря, это было удивительное существо, тем более поразительное, что, сделав несколько шагов вперед и еще раз поклонившись, оно начало

свою патетическую речь так: «Могу ли я иметь честь выразить мою любовь к сцене в стихах, которые я сам сочинил?»

Его способности сумели разглядеть, и ему помогли. После получения очередной драмы Андерсена «Солнце эльфов» собрался совет дирекции Королевского театра. Пьесу, разумеется, отклонили. Но отметили проблески дарования совсем юного драматурга и поэта. И было решено просить короля о назначении юноше стипендии для обучения в гимназии. Скоро стипендия была получена, а распоряжаться ею, то есть быть персональным попечителем Андерсена, взялся член дирекции театра советник Йонас Коллин. Этот государственный муж еще не понимал, какой крест на себя принимает, но долгие годы нес его добросовестно и с величайшим терпением.

После окончания гимназии Андерсен с головой окунулся в литературную работу – ведь в гимназический период ему было строго запрещено сочинять. Журналы начали печатать стихи Андерсена, на собственные средства он издал первую книгу «Прогулка на Амагер» – романтическое и фантастическое путешествие поэта в новогоднюю ночь сквозь пространство и время. В ней впервые прозвучали сказочные мотивы, своеобразная интонация Андерсена-сказочника – то возвышенная, то ироничная. Но в целом это было многословное и претенциозное сочинение.

В те годы Андерсен писал много и торопливо – стихи, пьесы, оперные либретто, путевые заметки, – казалось, не всегда даже перечитывая написанное. Постепенно он сделался известным человеком в Копенгагене, его фигуру и лицо невозможно было не запомнить. К тому же одевался юноша во что придется. Однажды ему перепал сюртук с чужого плеча, и чтобы как-то «наполнить» его, Ханс-Кристиан набил грудь старыми афишами. Эту привычку носить одежду на пару размеров больше он сохранил на всю жизнь. Андерсен догадывался, что выглядит комично, что над ним посмеиваются. Но сам себе он очень даже нравился: молодой поэт! Беден, зато знаменит!

А кем же был на самом деле этот странный молодой человек с проблесками таланта, погребенными под спудом «словесной руды»?

Известный отечественный генетик В. П. Эфроимсон установил пять стигм гениальности, которыми природа отмечает своих избранных. Часть этих стигм или весь набор присутствует у гениальных личностей. Одна из стигм, по Эфроимсону, это непропорциональный гигантизм, или синдром Морфана: высокий рост, худоба, длинные руки и ноги, огромные ладони и ступни, эластичность суставов. Все это результат повышенного выброса в кровь гормонов надпочечников – адреналина, катехоламина, норадреналина. Такой адреналиновый допинг мощно стимулирует интеллектуальную и физическую деятельность. Такими стигматиками были Авраам Линкольн, Шарль де Голль, Корней Чуковский... И Ханс-Кристиан Андерсен. Были у Андерсена и признаки другой стигмы гениальности: циклотимия, то есть резкое чередование противоположных фаз настроения, физического и психического тонуса.

Да, Андерсен был гений – от Бога, от природы. Но еще очень долго он искал форму выражения своей гениальности.

В 1833 году Андерсен получил королевскую стипендию для продолжительного путешествия за границу. Он побывал в Германии, Франции, Швейцарии и Италии. Нигде он не чувствовал себя так легко и свободно, как в Риме, в окружении дивной природы и шедевров искусства. Здесь он был самим собой, никто не вспоминал его прошлого, не считал выскочкой в литературе. Здесь молодой датчанин с удивлением осознал, что по темпераменту он скорее южанин. С тех пор Андерсен часто отправлялся в путешествия по Европе, обязательно задерживаясь на юге: в Италии, Греции или Португалии.

Под впечатлением от первой поездки в Италию Андерсен начал писать роман «Импровизатор». По существу, это рассказ о собственной судьбе, но повествование велось от лица итальянского поэта-импровизатора Антонио. Мучительный путь вверх, в высшее общество, зависимость от покровителей, неуверенность в творчестве и любви – все эти проблемы, донимавшие самого автора, нашли отражение и в романе. Вечную тему «золушки», только мужского рода, Андерсен отразил еще в двух романах 30-х годов – «О. Т.» и «Только скрипач». О том же повествуют многие его сказки и истории.

Превращение в лебедя

«Шел солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку; он шел домой с войны» – этими словами начинается первая сказка Андерсена «Огниво». Особая интонация Андерсена-сказочника родилась из устных импровизаций, когда он рассказывал сказки детям своих друзей. Ханс-Кристиан никогда не говорил по-писаному: дети сели в повозку и поехали. Он рассказывал так: «Ну вот, уселись они в повозку, до свиданья, папа, до свиданья, мама, кнут щелк-щелк, и покати-ли. Эх ты, ну!»

Народные сказки пересказывали и до него – Шарль Перро во Франции, братья Гримм, Шамиссо и Тик в Германии, в самой Дании – Эленшлегер и Ингеман. Но еще никто не делал это так, как Андерсен. В его сказках короли носят стоптанные тапочки и сами отворяют ворота замка неизвестному путнику; принцессы странствуют по белу свету, украдкой целуются с каким-нибудь свинопасом. Не говоря уже о «простом» герое, о brave солдате, например: он покуривает трубочку, а когда ему выпадает случай поцеловать спящую принцессу, он это охотно делает – «потому что он был настоящий солдат».

Итак, Андерсен начал с того, что пересказал по-своему народные сказки, услышанные еще в детстве: «Огниво», «Маленький Клаус», «Принцесса на горошине», «Дикие лебеди», «Свинопас». Но уже в первую книгу «Сказки, рассказанные детям», вышедшую частями-выпусками в 1835-1842 годах, он включил и собственные, авторские: «Цветы маленькой Иды», «Дюймовочка», «Стойкий оловянный солдатик», «Оле-Лукойе», «Русалочка», «Калоши счастья» и другие. Некоторые сюжеты Андерсен почерпнул из старинных книг: «Новое платье короля» – из испанской новеллы XIV века, «Сундук-самолет» – из сказок

«Тысячи и одной ночи», а «Скверный мальчишка» навеян стихотворением древнегреческого поэта Анакреонта.

Уже в первой книге встречались сказки, адресованные взрослым: «Эльф розового куста», «Райский сад»; другие были лишь отчасти доступны пониманию ребенка – «Тень», например, или та же «Русалочка» (не мультяшная, а настоящая, андерсеновская). Во второй книге «взрослых» сказок стало еще больше, Андерсен назвал сборники 1844-1848 годов просто «Новые сказки». Наряду с такими «детскими» шедеврами, как «Гадкий утенок», «Пастушка и трубочист» и «Снежная королева», писатель включил в «Новые сказки», например, мудрую притчу «Соловей», печальную легенду «История одной матери», рассказы «Старый дом» и «Девочка со спичками», над которыми и сегодня можно уронить слезу.

Сказки Андерсена многолики, как их создатель. Они то веселые, то грустные или даже мрачные. В одних автор – волшебник, одушевляющий игрушки и предметы, в других – ученый, изучающий каплю воды. Некоторые написаны поэтом-романтиком, воспевающим розу, соловья и аистов, но встречаются и реалистические сюжеты.

Андерсен не боялся опечалить ребенка, не боялся говорить с ним о боли, страданиях и, наконец, о смерти. Умирают цветы в «Цветках маленькой Иды», умирает Русалочка, погибает ученый, побежденный коварной тенью. Это в пьесе Евгения Шварца герой усмиряет свою тень, произнеся заклинание: «Тень, знай свое место!» А в сказке Андерсена все наоборот: «И принцесса с тенью вышла на балкон показать народу, который еще раз прокричал им «ура!». Ученый не слышал этого ликования – с ним уже покончили».

Критики не оценили первых сборников сказок Андерсена. Писали, что давать их

детям не следует, так как они ничему полезному не учат. «Сказка о принцессе на горошине» – писал рецензент, – кажется не только неэтичной, но и непростительной, поскольку ребенок может сделать из нее ложный вывод, будто столь высокая дама всегда должна быть такой чувствительной». Даже большинство друзей и коллег Андерсена не одобрили его сказок. Только ученый Х.-К. Эстред сказал: «Сказки делают его бессмертным!»

Впрочем, поначалу и сам Андерсен отнесся к работе над сказками как к незначительному эпизоду в своей творческой судьбе. Окончательно убедил Андерсена повсеместный успех его сказок за границей. В 1843 году он написал другу: «Я точно решил писать сказки!»

И он писал их до самой смерти. После 1852 года вышло два сборника, которым Андерсен дал более широкое название – «Истории». В разряд «историй» входили рассказы, новеллы, легенды, притчи, зарисовки. Есть и научно-фантастический рассказ «Через тысячу лет», где Андерсен предсказал появление авиалайнеров, межконтинентальные перелеты и даже тоннель под Ла-Маншем. Есть и научно-популярный очерк «Великий морской змей» о телеграфном кабеле, проложенном по морскому дну между Европой и Америкой.

Без любви

Сорока с небольшим лет, «земную жизнь пройдя до половины», Ханс-Кристиан Андерсен стал уже национальным достоянием Дании и мировой знаменитостью. Он дружил едва ли не со всеми выдающимися деятелями литературы и искусства в Европе, был желанным гостем во дворцах коронованных особ. Рецензенты давно избегали критиковать его, даже когда было за что. Андерсен уже написал «Сказку моей жизни» и впоследствии несколько раз перерабатывал и дополнял ее.

Писатель редко засиживался на одном месте. Казалось, он не жил, а лишь гостил. Его квартира была для него «базовым лагерем», где хранились дорожные чемоданы. Андерсен даже не заводил собственной мебели, опасаясь, что она привяжет его к постоянному жилью. Только кровать, изготовленная по специальному заказу под его огромный рост, составляла необходимое исключение.

Окруженный друзьями и знакомыми, он, тем не менее, был страшно одинок. Мечты о личном счастье оказались несбывшейся «сказкой его жизни».

Юношеские влюбленности принесли Андерсену лишь горькие разочарования. Девушки, которые ему нравились, были, что называется, из хороших семейств, и молодому поэту давали понять, что он им не пара. Впрочем, что за поэт-романтик без несчастной любви? Кроме того, и сам Ханс-Кристиан понимал, что помолвка и брак потребуют твердого заработка и оседлости. Он не был готов расстаться со своей богемной мансардой.

И вот, уже состоявшийся писатель, Андерсен познакомился с молодой шведской певицей Йенни Линд и сразу полюбил ее. Йенни была очень хороша собой и талантлива не только как вокалистка, но и как актриса. Она знала произведения Андерсена и охотно общалась с ним. Ну а Ханс-Кристиан повсюду следовал за нею, не упуская ни единой возможности быть рядом. Когда певица покидала Копенгаген, влюбленный сказочник передавал ей письмо, «которое она должна понять», – так он записал в дневнике. Певица, конечно же, все поняла и без объяснений. Она мечтала о тихой семейной жизни, но не в начале блестящей карьеры и не с Андерсеном, который был, между прочим, почти вдвое старше нее. В следующий свой приезд в Копенгаген Йенни Линд предложила: «Не хотите ли вы, Андерсен, стать моим братом?» Что ж, Андерсен принял этот подслащенный отказ и относился к Йенни «как нежный, любящий брат». Не без самоиронии он описал эту ситуацию в сказке «Мотылек»: «Дружба – и больше ничего!» – отвечает мятая на сватовство мотылька.

Но Андерсен не оставлял надежд на взаимность. В декабре 1845 года он приехал в Берлин, где тогда выступала певица. Он вообразил себе, что они вдвоем встретят Рождество и... «Убеждение это стало у меня просто idee fixe, так что я отклонил все приглашения моих друзей», – вспоминал Андерсен. Но Йенни Линд не позвала его, скорее всего, просто забыла. Он просидел

весь сочельник один, чувствуя себя совершенно несчастным. Андерсен распахнул окно, посмотрел на звездное небо, вообразил, что это елка, украшенная огоньками, – и немного утешился. Наутро он поехал поздравлять возлюбленную и рассказал, как встретил Рождество. Певица засмеялась, ласково провела рукой по его лбу и сказала: «Мне это и в голову не пришло, я думала, вы веселитесь со своими принцами и принцессами, но мы устроим еще один сочельник, и дитя получит свою елку в новогоднюю ночь!» Да, они встретили Новый год вместе, они веселились как дети, об их романтической встрече даже посплетничали газеты. Но Андерсен окончательно убедился, что он для Йенни только «братец», как она говорила, большое милое дитя.

Потом они еще раз мельком встретились в Лондоне, затем певица надолго уехала на гастроли в Америку. В 1852 году писатель узнал, что его возлюбленная вышла замуж за немецкого пианиста. Только через два года, встретив Йенни с мужем в Вене, Андерсен с облегчением почувствовал, что любовь, наконец, оставила его сердце.

В могилу наш король сошел...

На склоне лет Ханс-Кристиан Андерсен был если не счастлив, то доволен судьбой. Он стал статским советником, был награжден орденом. Королевская семья любила «короля сказки», как называли Андерсена в газетах, он часто был желанным гостем во дворце. А когда писателю стало уже трудно выходить из дому, король сам навещал его!

Сбылось давнее предсказание старухи-гадалки: в Оденсе был устроен фейерверк в честь сына бедного сапожника. 6 декабря 1867 года городской совет чествовал своего славного земляка по случаю избрания его почетным гражданином города Оденсе. И были торжественные речи и песнопения, факельное шествие, салют и роскошное пиршество. Жаль, что Андерсен разболелся и с трудом перенес всю церемонию.

Болезни и одиночество стали его спутниками. Он часто впадал в депрессию, раздражался по пустякам или начинал рыдать.

Однажды сказочник получил письмо от американской девочки, в конверт были вложены один доллар и газетная статья под названием «Долг детей!». Автор статьи призывал детей Америки помочь любимому писателю. Андерсен был очень растроган. Он написал открытое письмо детям, в котором объяснял, что вовсе не беден, но что ему очень дорого внимание маленьких читателей. И на свое семидесятилетие Андерсен получил от детей Америки иллюстрированный альбом.

К счастью, на склоне лет семья Мельхиор предложила ему кров и заботу. Эти выходцы из еврейской купеческой аристократии давно были знакомы с Андерсеном, восхищались его творчеством. Благодаря их стараниям сказочник ни в чем не нуждался. Иногда он даже чувствовал прилив сил и тогда вновь писал. Для своей любимицы, маленькой Шарлоты Мельхиор, старый сказочник создал рукописную книгу: вместе они клеивали туда картинки из журналов, а писатель сочинял к ним забавные подписи, иногда в стихах.

Андерсен умирал от рака печени. К сильным болям добавились со временем приступы удушья и бессонница. Но ясность рассудка и чувство юмора не оставляли его до конца. Незадолго до смерти он мечтательно произнес: «А хотелось бы мне хоть одним глазком взглянуть на свои похороны!»

Ханс-Кристиан Андерсен тихо скончался 4 августа 1875 года. На похоронах не было ни одного родственника. Зато пришли король с семьей, министры, послы иностранных держав и тут же – студенты и горожане. Корабли на рейде приспустили флаги. Вся Дания оплакивала своего великого соотечественника.

В могилу наш король сошел, И некому занять его престол...

– такие стихи были напечатаны в траурном номере газеты «Отечество».

Датчане создали два музея Андерсена и установили ему два памятника – в Оденсе и Копенгагене. А еще статуя Русалочки сидит на морском камне и печально смотрит на проходящие корабли.

Еще одним памятником Андерсену стала Международная неделя детской книги, ежегодно проходящая в разных странах мира. «Книжкина неделя», как ее называют в нашей стране, всегда открывается 2 апреля, в день рождения Ханса-Кристиана Андерсена. ■

Высокий и худой Андерсен имел привычку носить одежду на пару размеров больше

«ПОКА ЧАСЫ ДВЕНАДЦАТЬ БЬЮТ...»

Евгения ИВАНОВА

Специально для «Совершенно секретно»

Каждый год 31 декабря мы с друзьями... нет, совсем не обязательно ходим в баню. Но обязательно смотрим любимое новогоднее кино. Казалось бы, все сто раз видено-перевидено, реплики героев мы знаем наизусть. К тому же сейчас и не нужно дожидаться показа знакомого с детства фильма целый год: его легко найти в Интернете и пересмотреть когда угодно, хоть в январе, хоть в июле. Но для нас это уже не просто кино – это новогодний ритуал и такой же символ праздника, как елка, Дед Мороз, подарки или запах мандаринов. Газета «Совершенно секретно» решила собрать малоизвестные факты о съемках любимых новогодних фильмов.

Фильм «Ирония судьбы, или С легким паром», премьера которого состоялась 1 января 1976 года, – самое любимое и самое новогоднее кино.

«Совершенно нетипичная история, которая могла произойти только и исключительно в новогоднюю ночь», – гласит титр в начале ленты. Зрители так ее и воспринимают: как сказку, в которой если не все, то очень многое придумано. В самом деле, как человек, пусть и очень нетрезвый, может не понять, что его сажают в самолет? И как его туда пустили по чужому билету? Да и многие другие моменты вызывают вопросы, но мы все «нестыковки» оправдываем тем, что это всего лишь новогодняя сказка...

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА И ПРАВДА ЖИЗНИ

На самом деле в «Иронии судьбы» гораздо больше правды жизни, чем это может показаться.

Так, история с человеком, который сходил с друзьями в баню, а потом в невменяемом состоянии с портфелем и веником отправился в другой город, абсолютно реальна. Именно так в свое время композитор Никита Богословский разыграл своего

товарища, погрузив его на поезд в Киев. Бедняга только на перроне в чужом городе, с банным веником в руках, понял, что происходит... Никакой романтической истории в Киеве у жертвы розыгрыша, правда, не случилось. Но именно этот сюжет лег в основу пьесы Эмиля Брагинского и Эльдара Рязанова «С легким паром! или Однажды в новогоднюю ночь», написанной в 1969 году. Авторы добавили в нее любовную линию, которая и стала главной.

В московских театрах эту пьесу ставили нечасто, в основном она шла на провинциальных сценах. А в 1974 году Брагинский и Рязанов решили переработать пьесу в киносценарий. Дальнейшее, как говорится, вам известно.

В фильме героя для скорости развития сюжета навстречу его счастью отправляют не на поезде, а на самолете. И ничего придуманного и натянутого в этом сюжетном повороте нет: дело в том, что до начала 1975 года, когда и стартовали съемки картины, купить билеты на самолет или поезд на рейсы внутри страны можно было без паспорта, этот порядок был изменен уже после написания сценария.

На съемках «Иронии судьбы» произошло еще несколько «взаправдашних» историй. Одна из них связана со знаменитым эпизо-

дом в бане, когда компания друзей деловито надирается, а затем отправляет Женю Лукашина в Ленинград.

Сандуновские бани в фильме были ненастоящими – эпизод снимался на «Мосфильме», причем в довольно холодном помещении. А ведь артисты были одеты в одни лишь простыни. Поэтому самой настоящей оказалась водка, которую актеры принесли на съемки этой сцены – чтобы не замерзнуть. Александр Ширвиндт вспоминал, что, готовясь к съемкам, актеры не сговариваясь прихватили каждый по поллитра. Их в итоге и распили – прямо перед камерой, дубль за дублем. И вскоре их состояние заметил режиссер...

Эльдар Рязанов был в гневе, артистов со съемочной площадки выгнал. «Скандальную» сцену пересняли, и сейчас мы видим в ней совершенно трезвых актеров.

Абсолютно по делу сказаны и ставшие крылатыми фразы «Какая гадость эта ваша заливная рыба» и «О, тепленькая пошла». Обе Юрий Яковлев, игравший Ипполита, выдал экспромтом, в киносценарии этих реплик не было. Когда снимались эпизоды в ленинградской квартире Нади, «новогодний стол» был накрыт по-настоящему. Но блюда оказались настолько отвратительными, что Яковлев, вынужденный пробовать

Кадр из фильма «Старый Новый год»

их от дубля к дублю, не выдержал и высказал все, что думал по поводу «заливной рыбы». Это вошло в фильм. А что касается сцены, когда Ипполит в пальто и шапке принимает душ, Яковлев действительно был удивлен, что пошла горячая вода: для мосфильмовской студии в те годы это было редкостью.

Да и 3-я улица Строителей – вовсе не придумка кинодраматургов. В Москве такая улица была – с 1958 по 1963 годы, затем ее переименовали в улицу Марии Ульяновой. До 2015 года стоял на ней и дом № 25 – панельная хрущевка, на которой в память о фильме установили табличку в виде портфеля с веником. Когда дом снесли, табличку сохранили его бывшие жильцы. В Ленинграде было сразу две улицы Строителей: в Красногвардейском и Кировском районах, обе сейчас переименованы.

А в 2016 году в городе Циолковский, построенном рядом с космодромом Восточный, в память об Эльдаре Рязанове тоже появилась 3-я улица Строителей. Хотя 1-й и 2-й улиц Строителей в Циолковском нет.

ЦЕНЗУРА И МИСТИКА

Участники съемок фильма «Чародеи» (1982 год) чаще всего вспоминают о двух вещах, сопровождавших работу над картиной: бесконечные правки как сценария, так и уже отснятого материала и мистические, совершенно необъяснимые вещи, происходившие на съемках.

Фильм, как известно, снят по повести «Понедельник начинается в субботу» братьев Стругацких. Они же были авторами сценария «Чародеи». Между фильмом и повестью общего мало, ведь сценарий Стругацким пришлось переписывать 15 раз! Причин несколько: и многочисленные замечания и пожелания «сверху», и то, что первый вариант сценария писался под одного режиссера, а снял фильм в итоге другой – Константин Бромберг. А он видел ленту не столько ироничной и сатирической, сколько легкой и развлекательной, поэтому и требовал переделывать сценарий.

Но Бромберг и сам намучился с цензурой: рассказывал позже, что «Чародеи» буквально искромсали, даже в виде той веселой новогодней комедии, которую он задумывал снять. Причем больше всего досталось, как ни странно... говорящему коту.

На эту роль пробовали 18 животных – как дрессированных, так и обычных домашних. Пробы проходили своеобразно: котам

давали сметану и следили за их поведением и выражением морды. Выбрали подходящего – толстого, неторопливого красавца. Озвучивал его Георгий Вицин. Поначалу волшебный кот был вполне себе полноценным персонажем. Он давал советы главному герою – Ивану, просил отпуск на март у директора института необыкновенных услуг Шемаханской, дрался на крыше с главным злодеем Сатанеевым... Но цензура умудрилась усмотреть в этом намеки на кота Бегемота из «Мастера и Маргариты» Булгакова. В те годы чтение этого романа, мягко говоря, не приветствовалось, и потому говорящего кота оставили практически без слов. В фильме у него только две реплики: «Хам» и «Ура». Говорят, когда Георгий

Вицин увидел, что сделали с персонажем, которого он озвучивал, он позвонил Бромбергу и рыдал в трубку...

Несмотря на вмешательство цензуры и на то, что от их произведения почти ничего не осталось, авторы сценария в итоге все-таки приняли картину. Хотя и не сразу.

«Мюзикл получился недурной. Сначала он мне, признаться, не понравился совсем, но посмотревши его пару раз, я к нему поприпык и теперь вспоминаю его без отвращения, – писал о «Чародеях» Борис Стругацкий. – Кроме того, на протяжении множества лет этот мюзикл регулярно и ежегодно идет по телевизору под Новый год. Значит, нравится. Значит, народ его любит. Значит, есть за что».

Ну а что касается мистики, все участники

съемок вспоминают об НЛО, зависшем над площадкой. Привидеться одному лишь человеку это не могло: неопознанный объект одновременно заметили десятки людей.

Дело было в Суздале, на съемках эпизода, когда Иван пытается пройти через стену. В этот момент и появился НЛО. Совершенно точно, что это был не самолет, не вертолет и не любая другая известная авиатехника. Люди на съемочной площадке замерли. Операторы от неожиданности не сразу сообразили, что «тарелку» хорошо бы заснять. Камерам удалось поймать лишь последние несколько секунд пребывания НЛО над съемочной площадкой, после чего он исчез. Что это было – так до сих пор и неизвестно.

СТАРЫЙ ЛЕТНИЙ НОВЫЙ ГОД

Фильм «Старый Новый год» (1980 год) был снят всего за 14 дней. Объяснение у таких рекордных сроков простое: актерский коллектив картины (Вячеслав Невинный, Александр Калягин, Георгий Бурков, Ирина Мирошниченко и другие) сложился еще в 1973 году – именно тогда вышел в МХАТе спектакль по одноименной пьесе Михаила Рощина. И театральная, и кинематографическая версия поставлены Олегом Ефремовым (фильм – в соавторстве с Наумом Ардашниковым). И, по большому счету, картина – это перенесенный на экран спектакль.

Снимался фильм не только быстро, но и в несколько необычное для новогоднего фильма время: летом. Кроме прочего, это создавало определенные сложности с тем, чтобы накрыть новогодний стол (не надо думать, что всеобщий продуктовый дефицит не касался киношников). Директор фильма через каких-то знакомых знакомых раздобыл-таки набор деликатесов, праздничный стол накрыли. А актеров попросили особо на угощения не налегать, а то еды на все дубли и сцены не хватит.

Когда один из эпизодов был отснят, Александр Калягин (в фильме – Петр Полуорлов) предложил 10-летнему Вале Карманову, игравшему его сына: «Давай перекусим». Калягин и Карманов подмели все, что стояло на столе, после чего Александр Александрович ушел, сказав Вале: «Тебе все равно за это ничего не будет». Можно представить себе ярость директора картины, когда он увидел, что весь дорогой и дефицитный «реквизит» съеден...

Одна из главных сцен «Старого Нового года», в Сандуновских банях, на самом деле снималась вовсе не там, хотя в кадре герои

Кадр из фильма Эльдара Рязанова «Ирония судьбы, или с легким паром»

Передплатити можна також на сайті market.umh.ua, за телефонами: (044) 207-97-25, 207-97-22, 063 648 07 72, 068 204 45 02 або написати нам на market@umh.ua

«РАСПИЛЕННЫЕ» БРИЛЛИАНТЫ КОРОНЫ

Леонид ВЕЛЕХОВ

Специально для «Совершенно секретно»

В 1719 году по указу Петра I для хранения «подлежащих государству вещей» была создана Камер-коллегия. В специальном помещении, Рентарее, позже получившей название Бриллиантовой комнаты, поначалу находились лишь государственные регалии – большая и малая императорские короны, венчалная императорская корона, скипетр, держава, орден и знак Андрея Первозванного и цепь к нему. При Екатерине II сюда поместили и парадные украшения, и коллекцию редких самоцветов, собранную русскими монархами со всего света.

До 1914 года сокровищница периодически пополнялась. По вышеупомянутому указу Петра ни одна из коронных драгоценностей не могла быть продана, обменена или подарена. При Николае II большую часть государственных сокровищ сосредоточили в Бриллиантовой комнате Зимнего дворца, меньшую – в галерее драгоценностей Эрмитажа, где ими могли любоваться желающие.

Через неделю после начала Первой мировой войны министр Императорского Двора и Уделов граф В.Б. Фредерикс спешно, не составляя описей, вывез практически все коронные драгоценности в Московский Кремль, в подвалы Оружейной палаты. В Зимнем дворце осталась лишь одна из диадем императрицы Александры Федоровны.

Шкатулка императрицы

Императрица Мария Федоровна смолоду знала толк в драгоценностях. После кончины мужа она, согласно акту, подписанному Павлом I, имела право носить не только фамильные, но и коронные бриллианты. А потому витрины для драгоценностей в ее Аничковом дворце были переполнены (только брошей насчитывалось около 200).

Февральская революция 1917 года застала вдовствующую императрицу с дочерьми в Киеве. В конце марта по настоянию Временного правительства все они перебираются в Крым. В это время горничная Марии Федоровны Кики пробирается в Петроград и вывозит из Аничкова дворца шкатулку с драгоценностями.

Поскольку большая часть сокровищ вдовствующей императрицы все еще в Петрограде, в октябре она посылает за ними мужа своей внучки – Феликса Юсупова. Однако тот опоздал. В августе Временное правительство объявило о национализации царских дворцов. 14–20 сентября управляющий Аничковым дворцом генерал-майор Петр Ерехович описал дворцовое имущество и упаковал его в 84 ящика, которые тут же отправили в Москву, в подвалы Оружейной палаты.

Старшая дочь императрицы, великая княгиня Ксения Александровна, захватила в Крым почти все свои украшения. Что до ее сестры Ольги, то ее драгоценности, помещенные дворцовым управляющим в банковский сейф в Петрограде, в октябре 1917-го национализировали большевики.

В апреле 1919-го Мария Федоровна вместе с семьями дочерей навсегда покинула Россию. Сначала поселилась в Англии у сво-

Диадема с сапфирами, принадлежавшая императрице Марии Федоровне

ей сестры – вдовствующей королевы Александры, затем переехала на родину в Данию.

В эмиграции из драгоценностей она носила только бриллиантовую брошь, подаренную супругом – Александром III. Приютивший ее датский король Христиан X, не дождавшись, когда тетка поделится с ним сокровищами, выжил ее из дворца на виллу Видере. Трудно сказать, как Мария Федоровна свела бы концы с концами, если бы по просьбе сестры другой племянник – английский король Георг V – не выделил пенсию в 10 тысяч фунтов стерлингов.

Бедствовавшие дочери (Ксения, доверившая продажу своих украшений мошеннику, осталась ни с чем, хорошо, приютила английская королева Мария, Ольга жила при матери) несколько раз предлагали Марии Федоровне продать или заложить ее драгоценности. Та твердо отвечала: «Все будет ваше после моей смерти...»

Дорогая Аликс...

Сразу после обручения цесаревича Николая и гессенской принцессы Александры на невесту, происходившую из небогатого рода, буквально пролился драгоценный дождь. В июне 1894 года в Виндзоре Николай преподнес любимой перстень с розовой жемужиной, ожерелье из крупного розового жемчуга, цепочку-браслет с большим изумрудом и брошь, украшенную сапфирами и алмазами. По прибытии в Россию его родители сделали будущей невестке поистине царский подарок – жемчужное кольцо из 280 белоснежных, идеально подобранных зерен величиной с виноградину, длиной около 2 метров. Во время бракосочетания, 14 ноября 1894 года, Александра обновила еще один романовский презент – бриллиантовую диадему и такое же ожерелье. В декабре она получила роскошную рубиновую

парюру от мужа. А в 1895 году – парюру из сапфиров, бриллиантовый франж, диадему и брошь из бриллиантов с бирюзой. Собственно, драгоценные подарки императрица постоянно получала на дни рождения и именин, Рождество и Пасху, по случаю рождения детей и по другим поводам.

Рассказывает хранитель коллекции Фаберже и русских ювелиров конца XIX – начала XX веков Музеев Московского Кремля Татьяна Мунтян: «Александр Федоровне принадлежали поистине прекрасные драгоценности. Поскольку она любила чайные розы, которых было много в розарии у нее на родине, муж заказал для нее у Фаберже брошь-розу. К сожалению, эта уникальная вещь знакома нам только по фотографии из альбома 1925 года. Но, несмотря на черно-белое воспроизведение, роза кажется только что срезанной. Ее стебелек, усыпанный алмазами, как будто блестит от воды, а тугой бутон и цветок украшены крупными желтыми бриллиантами, которые должны были придавать им теплоту и колорит чайной розы.

Жемчужное ожерелье фирмы Фаберже, подаренное Александре Федоровне родителями мужа, стоило 176 тысяч рублей; рубиновая парюра 1894 года – 190 тысяч, а сапфировая 1895 года – 212 тысяч рублей. Суммы эти колоссальны. Приведу такой пример. В 1898 году муж подарил Аликс пасхальное яйцо «Ландыши», за которое было уплачено 6700 рублей. На аукционе «Сотби» в 2003 году его собирались выставить за 10–12 миллионов долларов. Нетрудно подсчитать, сколько сегодня могли бы стоить драгоценности Александры Федоровны».

Бриллианты в белье

В августе 1917 года Романовы, которых увозили из Царского Села в Сибирь, взяли с собой и фамильные драгоценности. Ценные

вещи, оставшиеся в Александровском дворце, Временное правительство отправило в Москву, в подвалы Исторического музея.

По преданию, в Тобольске Романовы тайно передали какие-то драгоценности на хранение местному священнику Васильеву и епископу Гермогену, монахиням Ивановского монастыря, членам своей свиты. Когда в апреле 1918-го Николая, Александру и их дочь Марию отправили в Екатеринбург, с собой они везли часть драгоценностей, а часть осталась у дочерей. Согласно показаниям нянечки царских дочерей Александры Тегловой, данным следователю Соколову, перед отъездом девушек из Тобольска многие драгоценности спрятали: «Мы положили драгоценности в вату, и эту вату мы покрыли двумя лифчиками, а затем эти лифчики сшили... В двух парах лифчиков были зашиты драгоценности императрицы. В одном из них было весом 4 1/2 фунта драгоценностей вместе с лифчиками и ватой... Кроме того, княжны под блузки на тело надели на себя много жемчугов. Зашили мы драгоценности еще в шляпы княжон между подкладкой и бархатом. Из драгоценностей этого рода я помню большую жемчужную нитку и брошь с большим сапфиром и бриллиантами». Крупные бриллианты, замаскированные под пуговицы, были нашиты на восемь костюмов княжон.

Какое-то время большевики не делали попыток прибрать к рукам сокровища Романовых. Все изменилось 4 июля 1918 года, когда в Ипатьевском доме, где пребывала царская семья, появился новый комендант Яков Юровский. Вечером он объявил,

что по решению Уральского областного совета Романовы обязаны сдать все имеющиеся у них драгоценности. Тем пришлось подчиниться, но спрятанные вещи они не выдали. Юровский, составивший подробную опись ценностей, остался недоволен, по его прикидкам их должно было быть гораздо больше. Через пару дней драгоценности Романовым вернули, но ежедневно Юровский проверял печати на шкатулке.

В ночь с 16 на 17 июля царская семья и другие пленники Ипатьевского дома были расстреляны. Кое-кто из убийц и охранников, обыскав тела, снял кольца, браслеты и часы. Узнав об этом, Юровский пригрозил расстрелять любого, у кого найдет ценности Романовых. Пришлось мародерам вывернуть карманы.

О драгоценностях, спрятанных Романовыми, комендант вспомнил лишь в Коптяковском лесу. Перед тем как сбросить в шахту тела расстрелянных Романовых, Юровский приказал раздеть их. По его воспоминаниям, тогда «обнаружилось, что на дочерях и Александре Федоровне, на последней я точно не помню, что было, то же как на дочерях (Ольге, Татьяне и Анастасии. – Т.Б.), или просто зашитые вещи. На дочерях же были лифы, так хорошо сделаны из сплошных бриллиантовых и других ценных камней... Ценностей этих оказалось всего около полупуда... Ценности все были тут же выпороты, чтобы не таскать за собой окровавленное тряпье».

На сколько «потянули» драгоценности, находившиеся в двух небольших шкатулках, спрятанных в подушки, а также в шкатулке, которую он лично опечатывал, Юровский не указывает. Неизвестно также, сколько весило «множество крупных бриллиантов», зашитых в черном бархатном поясе, случайно обнаруженном при разборе царских вещей.

И сегодня многие считают, что после расстрела царской семьи ее драгоценности были сразу отправлены в Москву. По одной из версий, доставил их в столицу Филипп Голощекин и передал Якову Свердлову. В июне 1935 года на подземных складах коменданта Московского Кремля обнаружили сейф Свердлова, хранившийся там с 1919 года. После вскрытия его вором-медвежатником в сейфе обнаружили паспорта дореволюционного образца, большое количество золотых монет царской чеканки и ассигнация, а также 705 золотых изделий с драгоценными камнями, на которых была выгравирована буква «Р» – Романовы.

Сейф с документами, деньгами и украшениями и впрямь нашли. Только вот на драгоценностях не было никакой буквы «Р». К слову сказать, подобным образом драгоценности Романовых никогда не клеймили. Да и умер Яков Михайлович 16 марта 1919 года, тогда как сокровища Романовых попали в столицу не раньше осени. Вот что рассказывал по этому поводу Яков Юровский:

«19-го (июля. – Т.Б.) вечером я уехал в Москву с докладом. Ценности передал тогда члену ревсовета III Армии Трифонову. Их, кажется, Белобородов, Новоселов (члены Уральского совета, участвовавшие в расстреле царской семьи. – Т.Б.) и еще кое-что схоронили в подвале, в землю какого-то домика рабочего в Лысьве, и в 19-м году, когда ехала на Урал комиссия ЦК для организации советской власти на освобожденном Урале, я тогда тоже ехал сюда на работу, ценности тот же Новоселов, не помню с кем, извлекали, а Н.Н. Крестинский (в 1919 году нарком финансов РСФСР. – Т.Б.), возвращаясь в Москву, увез их туда. Когда в 21–23 году я работал в Гохране республики, приводя в порядок ценности, я помню, что одна из жемчужных ниток Александры Федоровны была оценена в 600 тысяч золотых рублей. В Перми, где я проводил разборку бывших царских вещей, была снова обнаружена масса ценностей, которые были попряты в вещах до черного белья включительно, а добра всякого было не один вагон».

Хаммер и «гохрановские товары»

Первую попытку продать драгоценности Романовых большевики предприняли уже в мае 1918 года. Тогда в Нью-Йорке на таможне задержали двух москвичей с драгоценностями (на 350 тысяч рублей), принадлежавшими царской дочери Ольге. Вероятно, это были украшения сестры Николая II Ольги

На Александре Федоровне – колье из розового жемчуга.
Внизу: Мария Федоровна

Александровны, изъятые из банковского сейфа в Петрограде.

В марте 1919 года в Москве состоялся учредительный конгресс III Коммунистического Интернационала. С этого времени и до конца 1920-х годов агенты Коминтерна регулярно вывозили из Москвы золотые ювелирные изделия и драгоценные камни. У себя на родине они должны были их продать, а вырученные деньги потратить на местные компартии и подпольную работу. Поскольку контроля за агентами практически не было, трудно сказать, сколько из этих средств пошло на подготовку мировой революции, а сколько было попросту украдено.

В феврале 1920 года «для централизации, хранения и учета всех принадлежащих РСФСР ценностей, состоящих из золота, платины, серебра в слитках и изделий без них, бриллиантов, цветных драгоценных камней и жемчуга» создается Гохран. Первым делом в здание Гохрана в Настасьевском переулке доставили драгоценности Романовых, привезенные с Урала, и имущество Александровского дворца. Не исключено, что уже тогда многочисленные бриллианты и жемчуга бывшей императрицы и ее дочерей, хранившиеся россыпью, стали выдавать на нужды Совнаркома, ВЧК, ВЦИК и других организаций. Каждая из них стремилась продать камни за границей через надежных людей. Одним из них стал представитель Объединенной компании медикаментов и химических препаратов сын американского коммуниста Арманд Хаммер, появившийся в Москве в июле 1921 года.

Друг его отца Людвиг Мартенс, возглавлявший металлургическую промышленность, организовал ему поездку на Урал. Вернувшись в Москву, Хаммер решил поставить в голодающие районы зерно. Еще один знакомый хаммеровского отца – работник Коминтерна Б.И. Рейнштейн – сообщил о его предложении В.И. Ленину. Ильич с американцем встретился. После чего 14 октября 1921 года послал в ЦК следующую записку: «...Американский миллионер Хаммер, русский родом... дает миллион пудов хлеба уральским рабочим на очень льготных условиях (5%) с приемом уральских драгоценностей на комиссию для продажи в Америке. В России находится сын (и компаньон) этого Хаммера, врач, привезший Семашко в подарок хирургических инструментов на 60 000 долларов».

Что подразумевал Владимир Ильич под «уральскими драгоценностями»?

Из книги воспоминаний Арманда Хаммера известно, что на Урале большевики продемонстрировали ему запасы изумрудов. Можно было бы предположить, что в записке Ленина речь идет о них. Ан нет! По свидетельству того же Хаммера, за зерно с ним рассчитались уральскими мехами, кожами и черной икрой.

А не мог ли Владимир Ильич упоминать о драгоценностях Романовых? На эту мысль наводит его записка от 27 октября 1921 года, адресованная члену коллегии Наркомата внешней торговли Радченко: «Тов. Мартенс прислал мне подписанный Вами договор с американской компанией (Хаммер и Мишелл). Мне кажется, что этот договор имеет громадное значение, как начало торговли... Примите меры тройной предосторожности и проверки исполнения. Мне сообщите, кого назначаете исполнителем; какие товары готовите; налагаете ли особенно на артистические и гохрановские и т.д.».

Если сложить вместе «уральские драгоценности» и «гохрановские товары», получим сокровища семьи Романовых, привезенные с Урала и хранящиеся в Гохране.

Но прежде, чем передать что-то Хаммеру, следовало рассортировать и оценить драгоценности. А специалистов катастрофически не хватало. (В 1921 году в Гохране обнаружили хищения, трех оценщиков расстреляли, с десятком посадили.) В ноябре 1921 года заместитель наркома финансов А.М. Краснощеков в Петрограде вел переговоры с экспертами и ювелирами А.К. Фаберже, Францем, А.Ф. Котлером, Масеевым, Меховым, Уткиным, К. Боком, суля им охранные грамоты на квартиры, позволяющие избежать подселения, и огромное жалование. В декабре те приступили к работе в Гохране. Начали с драгоценностей Романовых.

Раз корона, два корона...

Голод, начавшийся летом 1921 года, заставил большевиков изыскивать средства на закупку хлеба. Вспомнили о коронных драгоценностях. В 1922 году ими занимались две комиссии. Первая в Оружейной палате разбирала сундуки и описывала вещи; вторая сортировала и оценивала их в Гохране.

«В теплых шубах с поднятыми воротниками идем мы по промерзшим помещениям Оружейной палаты, – вспоминал позже член комиссии академик Ферсман. – Вносят ящики, их пять, среди них тяжелый железный сундук, перевязанный, с большими сургучными печатями. Все цело. Опытный слесарь легко, без ключа открывает незатейливый, очень плохой замок. Внутри в спешке завернутые в папиросную бумагу драгоценности бывшего русского двора. Леденеющими от холода руками вынимаем мы один сверкающий самоцвет за другим. Нигде нет описей, не видно никакого порядка».

По словам заведующего Оружейной палатой Иванова, «работали в необыкновенно быстром темпе, решая за секунду судьбу сокровищ мирового значения». Через неделю, когда добрались до ящиков с имуществом Аничкова дворца, заместитель особополномоченного Совнаркома по сосредоточению ценностей Базилевич подал Троцкому докладную записку с грифом «Совершенно секретно»:

«Доношу, что 8-го марта с.г. в Оружейной палате при вскрытии ящиков с имуществом бывш. Царицы – без всяких описей – оказалось, по оценке представителя Гохрана Чинарева, на 300 миллионов зол. рублей. Приглашенные 9/III ювелиры КОТЛЕР и ФРАНЦ оценили следующим образом: если бы нашелся покупатель, который смог бы покупать эти ценности, как вещи, то оценка 458.700.000 зол. руб. Продажа же их, как товар отдельными камнями даст 162.625.000 зол. руб. Оценка производилась в течение 1 1/2 часа и без детального определения качества камней. Должен оговориться, что это не коронационные драгоценности – те лежат в отдельных двух ящиках. По описи, которая у нас имеется, они оценены в 7 с лишним миллионов рублей. Люди сведущие утверждают, что коронационные драгоценности по качеству камней и художественному выполнению работы стоят гораздо ниже ценностей, уже разобранных нами и являвшихся “личной” собственностью бывш. Царской фамилии».

Троцкий наложил резолюцию: «Надо еще весьма и весьма проверить». Проверили. И срочно – без разбора и составления описей – перевезли ящики из Оружейной палаты в Гохран.

По словам Татьяны Мунтян, в ящиках из

Аничкова дворца, помимо драгоценностей вдовствующей императрицы, хранились редкостные произведения ювелирного искусства Фаберже и других ювелиров. Лишь отдельные вещи позже попали в советские музеи, а остальное было бездарно, по дешевке распродано иностранцам.

К середине мая в Гохране сортировка и оценка драгоценностей короны, императрицы Марии Федоровны и Александры Федоровны была завершена. Вещи поделили на три категории, учитывая в первую очередь ценность камней и их подбор, художественность работы, в последнюю очередь – историческое значение изделия. В первую категорию – так называемый неприкосновенный фонд – вошли 366 предметов, оцененные в 654 935 000 рублей, из них украшенные отборными бриллиантами и жемчугом коронационные регалии стоили 375 миллионов. Изделия второй категории, имевшие историческую и художественную ценность, оценили в 7 382 200 рублей; третьей категории (однородные изделия) – в 285 524 рубля.

По окончании работы заместитель председателя Совнаркома и Совета Труда и Обороны (СТО) А.И. Рыков поинтересовался у Фаберже и Ферсмана, можно ли реализовать коронационные ценности на внешнем рынке. Те ответили: возможно, но торопиться не следует.

«Подозрительные» камни

«Алмаз – твое величие в прошлом! Не надо нам сейчас дорогих бриллиантов в золотой оправе, ожерелий, ривьер, диадем... В борьбе двух камней, углерода – прозрачного алмаза – и черного угля, победа за черным!»

Памятуя об этом опрометчивом заявлении А.Е. Ферсмана, современные историки клянут академика как одного из инициаторов продажи коронных драгоценностей. Однако есть и другие свидетельства. М.Ф. Клер-Парамонова, неоднократно встречавшаяся с академиком в 1942 году в Свердловске, вспоминала:

«Александр Евгеньевич... рассказывал, как он в начале гражданской войны отстаивал от продажи за границу царские сокровища, ценности прежних царей и последней императрицы А.Ф. Романовой. Был очень большой риск встать к стене, так как ЧК не доверяла русским интеллигентам и ученым, подозревала их в предательстве и саботаже... Но на упреки ЧК Александр Евгеньевич Ферсман отвечал, что он с группой ювелиров, Агафоном Фаберже и другими, в противоположность другой группе, решил, что советская власть, упрочившись, оценит их стремление оставить в своей стране сокровища».

В 1922 году в Лондоне и Амстердаме большевики продали гохрановские изумруды под видом добытых на Урале. Поскольку это сошло с рук, в апреле 1923 года в Амстердам привезли гохрановский жемчуг и бриллианты. Продать-то его продали, только вот кто-то из эмигрантов вроде бы опознал в них камни из коронных драгоценностей. Европейские газеты вышли с сенсационными заголовками. Советские тоже откликнулись: «В ответ на антисоветскую пропаганду по личному указанию В.И. Ленина сокровища бывших русских царей были выставлены для обозрения в 1924 году в Колонном зале Дома Союзов». Сия гневная отповедь даже вошла в предисловие к книге «Сокровища Алмазного фонда», изданной в 1980 году. Некоторые историки и сегодня на полном серьезе пересказывают эту байку. Между тем большевики и весной 1924-го, и в феврале 1925-го спокойно продолжали распродавать бриллианты и жемчуга из Гохрана в Париже.

Владимир Ильич к открывшейся в Доме Союзов выставке вряд ли мог иметь какое-то отношение. Ибо случилось это 18 декабря 1925 года, уже после его смерти. Организованную Ферсманом выставку приурочили к 200-летию Академии наук, на празднование которого пригласили много зарубежных ученых.

9,644 кило «ювелирки»

Заключительным итогом работы экспертов Гохрана, возглавляемых Ферсманом, стало издание в 1925–1926 годах четырех выпусков каталога «Алмазный фонд СССР», иллюстрированного 232 фотографиями.

Каталог, переведенный на английский, французский и немецкий языки, с целью привлечения покупателей распространялся в Европе. И уже в октябре 1926 года в Москве появился знатный купец – представитель некоего англо-американского синдиката Норманн Вейс. Он купил вещи из Алмазного фонда оптом, на вес. 9,644 килограмма уникальных произведений русского ювелирного искусства, имевших огромную историческую ценность, обошлись ему в пятьдесят тысяч фунтов стерлингов. Часть драгоценностей Вейс тут же перепродал аукционному дому «Кристи». А тот в марте 1927 года провел в Лондоне аукцион «Драгоценности государства Российского». На нем ушли 124 лота (брачная императорская корона, диадема из колосьев, драгоценности императрицы Екатерины II – брошь в виде букета цветов из бриллиантов и рубинов, броши-банты с бриллиантами и т.д.).

По воспоминаниям великой княгини Ольги Александровны, тогда некоторые драгоценности Романовых купила англий-

ская королева Мария (Мэй): «Среди ювелирных изделий, вывезенных в Англию на продажу, был, по крайней мере, один предмет, похищенный из моего дворца в Петрограде. Но его цена оказалась слишком высока даже для Мэй... Это был один из моих свадебных подарков – изысканный веер из перламутра, усыпанный алмазами и жемчужинами». По незнанию, Ольга Александровна считала, что аукцион устроили большевики, они же увезли ее непроданный веер в Кремль.

В то время как в Лондоне продавали коронные драгоценности, заведующий Оружейной палатой Иванов обивал чиновничьи пороги с просьбой вернуть из Гохрана предметы музейного значения. В июне 1927-го все советские газеты опубликовали сообщение о том, что СТО передает из валютного фонда Наркомфина в Оружейную палату «ряд золотых монет» и «46 предметов, принадлежавших Николаю II», среди которых были и 24 пасхальных яйца работы Фаберже из коллекций Марии Федоровны и Александры Федоровны. В начале 1930 года, когда стало известно о предстоящих изъятиях из музеев вещей для продажи за границей, Дмитрий Дмитриевич Иванов покончил жизнь самоубийством. «Не расхищал, не продавал, не торговал, не прятал палатских ценностей...» – таково было его последнее слово...

В 1930-м из Оружейной палаты было изъято 318 предметов (в том числе и 11 пасхальных яиц). После подчинения Оружейной палаты комендатуре Кремля, в феврале 1933 года, отсюда «на основании словесного распоряжения» коменданта Петерсона были выданы еще три пасхальных яйца. В Оружейной палате чудом осталось десять.

19 октября 1928 года в Дании скончалась вдовствующая императрица Мария Федоровна. Ее дочь Ксения, не поставив в известность сестру Ольгу, с помощью английского посольства срочно переправила опечатанную шкатулку матери в Лондон. Через полгода ее вскрыли в Букингемском дворце под восхищенные возгласы англичан. Оценили драгоценности в 350 тысяч фунтов. После келейной распродажи – покупателями выступили королева Мэй, а также отдельные представители британской аристократии и финансовых кругов – Ксения и Ольга получили на руки только сто тысяч фунтов стерлингов.

В 1931 году на аукционе в Нью-Йорке были выставлены вещи Романовых, которые американцы приобрели у немецкой антикварной компании. Великие княгини Ксения и Ольга обратились с заявлением в суд с просьбой помешать продаже принадлежавших Романовым драгоценностей и произведений искусства. По одной версии, из-за скандала аукцион пришлось свернуть, по другой, все пришлось быстро распродать по дешевке. На следующий год драгоценности Романовых появились на аукционе в Берлине.

В 1932 году распродажу царских сокровищ устроил в универсальных магазинах США Арманд Хаммер. Трудно сказать, сколько из проданных тогда вещей действительно принадлежало Романовым. А вот в антикварном магазине, который он открыл в том же году в Нью-Йорке, действительно можно было купить пасхальные яйца, принадлежавшие императрицам, иконы в ювелирных окладах Николая II и Александры Федоровны, портсигар Фаберже, сделанный по заказу Марии Федоровны, ее записную книжку с монограммой и короной...

Долгое время я полагала, что Хаммеру охотно продавали из Гохрана и со складов всесоюзного объединения «Антиквариат» только «безделушки». Но недавно, перелистав его воспоминания, поняла, что ошибалась. Похоже, в антикварном магазине ушлого американца продавались камни из тех самых «уральских драгоценностей».

Тобольский клад

Поиски сокровищ Романовых, спрятанных в Сибири, продолжались долгое время и в 1933 году наконец-то увенчались успехом. Вот что доносил об этом полномочный представитель ОГПУ по Уралу Решетов

Семья императора Александра III в Большом театре

Многого не досчитались после штурма Зимнего дворца

Генриху Ягоде: «В результате длительного розыска 20 ноября 1933 года в городе Тобольске изъяты ценности царской семьи. Эти ценности во время пребывания царской семьи в г. Тобольске были переданы на хранение камердинером Чемодуровым игуменье Тобольского Ивановского монастыря Дружининой. Последняя незадолго до смерти передала их своей помощнице – благочинной Марфе Уженцевой, которая прятала ценности в колодце, на монастырском кладбище, в могилах и ряде других мест. В 1924–1925 годах Уженцева собиралась бросить ценности в реку Иртыш, но была отговорена от этого б(ывшим) Тобольским рыбопромышленником В.М. Корниловым, которому и сдала ценности на временное хранение. 15 октября с.г. Уженцева призналась в хранении ею ценностей царской семьи и указала место их нахождения (ценности в двух стеклянных банках, вставленных в деревянные кадушки, были зарыты в подполье в квартире Корнилова)».

Тобольский клад состоял из 215 предметов, оцененных уральскими экспертами в 3 270 693 рубля 50 копеек. Все вещи были переданы в Гохран. Дальнейшая их судьба неизвестна.

Последняя диадема

Из 773 предметов Алмазного фонда в 1920–1930-е годы было продано 569. Оставшиеся 114 изделий – это коронационные регалии и украшения работы второй половины XVIII – первой половины XIX века плюс уникальные драгоценные камни из старых запасов: алмаз «Шах» (88,7 карат), цейлонский сапфир (270,37 карат), колумбийский изумруд (136,25 карат)...

Пытаясь выяснить, что же у нас осталось из драгоценностей Марии Федоровны и Александры Федоровны, перелистывала каталоги, расспрашивала знающих людей. Знакомый историк утверждал, что в 1967 году, когда в Оружейной палате Московского Кремля открывалась временная выставка сокровищ Алмазного фонда, на ней демонстрировалось знаменитое жемчужное ожерелье Александры, только вот длиной оно было не в два метра, а покороче. Но с тех пор его никто не видел.

А Татьяна Мунтян поведала такую историю:

«В 1903 году в Зимнем дворце состоялся так называемый «Русский бал», участники которого были одеты в костюмы XVII века. Император нарядился в костюм царя Алексея Михайловича, а его супруга предстала на балу в наряде первой жены царя Марии Ильиничны Милославской.

Драгоценности к костюму императрицы были спешно изготовлены фирмой Карла Фаберже, который использовал для их создания старинные камни из кладовой Кабинета Его Императорского Величества. Поверх барм царицы, расшитых изумрудами и бриллиантами и украшенных бахромой из жемчужин и изумрудных панделок, было прикреплено мягкой серебряной проволокой роскошное кольцо из жемчуга, бриллиантов и изумрудов. Застежка на костюме представляла собой огромный изумруд величиной с ладонь в бриллиантовой оправе. «Коруну» украшали ясны из жемчуга и бриллиантов.

Долгое время считалось, что этих украшений больше не существует. Но в 1990-е годы, сравнивая документы и фотографии с шедеврами Алмазного фонда, я пришла к волнующему выводу: отдельные детали убора сохранились до наших дней!

Так, застежка – это знаменитый изумруд в 250 карат из Алмазного фонда России, окаймленный 54 круглыми бриллиантами в ажурной оправе из золота и серебра. Сохранились в Гохране ясны – две нити из жемчужин и ромбовидных звеньев с алмазными розами, которые заканчивались бриллиантовыми кистями. А также набор перламутровых вставок и запон (застежек) в бриллиантовых оправках, украшавших платно (платье) императрицы. А вот от кольца императрицы не осталось и следа».

Застежка, ясны да полтора десятка вставок и запон – все, что осталось в России от сокровищ последних русских императриц,

попавших в Гохран в 1920-е годы. Но, может быть, распроданные на Запад, они хотя бы осели в крупнейших коллекциях? Увы. Ни один собиратель не может сегодня похвастаться подобными экспонатами. В наши дни на западных аукционах несколько раз появлялись царские сокровища, но это вещи XVIII века, прошедшие через аукцион 1927 года.

Куда же делись из Гохрана драгоценности императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны? Скорее всего, их просто «обезличили». Ломали и коржили драгоценные оправы, выковыривали рубины-сапфиры-

Бриллиантовая кладовая. Эрмитаж

бриллианты. А потом камни и слитки золота, платины и серебра распродали.

Кстати, лет десять назад известный питерский эксперт-геомолог рассказывал мне, что ему довелось оценивать изумительную диадему императрицы Александры Федоровны. Принадлежала драгоценность семье матроса-балтийца, штурмовавшего в октябре 1917-го Зимний дворец...

И ВЕРЕВОЧКУ

Сергей МАКЕЕВ

Специально для «Совершенно секретно»

Книга, пусть и стоимостью полсотни тысяч долларов, конечно, уже и не взятка для высшего сословия современной Руси. Еще в ельцинские времена один из главных руководителей той эпохи прямо говорил просителям: «Моя подпись стоит три миллиона». С тех пор, по всем исследованиям (и просто обывательским наблюдениям), индекс коррумпированности власти резко взлетел вверх, а аппетиты чиновников стали куда свирепее. Ничего не поделаешь: как говаривал еще Салтыков-Щедрин, «при таких законах жизнь в России без взяток была бы невозможна». По данным международной организации Transparency International, Россия на протяжении последнего десятилетия практически не покидает пятерку самых коррумпированных стран мира, борясь за первенство с такими же высокоразвитыми, как она, Нигерией и Боливией.

Так что какие уж тут книги, пусть и закованные в золото, как рыцарь в латы, и обсыпанные бриллиантами, как калорийная булка изюмом. На том уровне, на котором циркулируют все эти «Охотничьи рассказы» или как там называются эти пудовые фолианты, взятки уже даются даже не заполненными долларами коробками из-под ксерокса, а предприятиями, нефтяными скважинами, недвижимостью, сотнями гектаров земли, наконец, должностями в «Газпроме».

Тогда что же такое эти книги?

Почести да поминки

Книга, как нас учили, – лучший подарок. И это очень по-русски. Ведь вот что интересно. Как пишут исследователи истории взяточничества на Руси, само это понятие (на языке той эпохи взятка именовалась «посулом») впервые упоминается в правовых документах конца XIV века. А традиция подарков и подношений представителям власти куда длиннее. И никто эти подношения взятками не считал. Потому что первоначально они вообще были единственным источником содержания «госаппарата». Мы хорошо помним из истории такое слово, как «кормление». Так как представители центральной власти на местах никакого жалования не получали, то жили на содержании местного населения – кормлении.

Гоголевский Хлестаков на рисунке П. Боклевского.
Слева: Дореволюционная карикатура о взяточничестве

И хотя размеры содержания были регламентированы – отчасти законами, отчасти местными обычаями, – все же чиновник (в ту пору приказной дьяк) не лошадь, одним овсом его кормление не ограничишь. И несли ему подношения самые разные и по самым разным поводам, но с одной целью – чтобы посодействовал в решении того или иного дела.

Вот как описывает это историк. На предварительное подношение смотрели как на свидетельство почтения – это подношение и называли «почестью». «Почесть» предлагалась заранее, ради общего благосклонного отношения к делу. Когда дело уже было начато, подносили «гостинец», или «поминку», как напоминание о том, что продвижение дела надо бы ускорить. Подносили часто ико-

ны, церковные книги (вот ведь из какого далека идет «книжная» традиция!). Историк продолжает: «Книгу, икону, а также калачи и рыбу приказной человек принимал, не беря на себя никаких обязательств. Но до вручения «почести» трудно было даже заводить разговор о своем деле. Когда стряпчий пишет: «Дьяк икону взял, а соль вернул» (соль была очень важным товаром, вторыми деньгами), это значит, что дьяк решил сохранить в данном деле полную независимость».

И далее: «Но вот дело принимали к рассмотрению, и если случалась масленица или Николин день, то обычай требовал поднести «гостинец» в виде возка или бочки рыбы. Рыба к празднику считалась «законной» и ускоряла дело совсем немного, но попробуй не вручи ее, дьяки начинали «смотреть криво». «Законными» были также «праздничные

ДАВАЙ!

этимися замечательными традициями и запретил любые подношения чиновникам. Однако он только стер и без того тонкую грань между «гостинцами» и взятками, превратив и то и другое в подсудное дело. И мздоимство во всем его многообразии, от «подарков» до откровенных взяток, расцвело как никогда: вспомним его любимого «Алексашку» Меншикова.

И так на протяжении всей своей истории русское чиновничество живет с подношений и подарков (о прямых взятках уже не говорим). Оно и на государеву службу идет в расчете на эти подарки, которые есть одна из многочисленных и самых лакомых привилегий госчиновника. А привилегии всегда были самой привлекательной стороной госслужбы, где оклады традиционно не бог весть какие, зато возможности открываются поистине без-

граничные. Даже если не нарушать напрямую закон и взятку не брать. Вспомним гоголевского Хлестакова: он ведь не взятки берет – ему подарки подносят (или, в худшем случае, займы дают), ничего, заметим, взамен не требуя. Разве что, чтобы рассказал в Петербурге, что «живет в таком-то городе Петр Иванович Бобчинский». И он тоже ничего не обещает – только уезжает, груженный доверху этими самыми подарками, не побрезгав даже кулком и веревочкой (в дороге пригодится).

Тот же Хлестаков говорит бессмертные слова о том, что в России законы существуют для того, чтобы их преступать. И ни в чем русское чиновничество так не преуспело, как в этом самом преступлении законов и в их приспособлении под себя, вплоть до выворачивания наизнанку. Нельзя взятки брать и давать? Так узаконим их, назвав подарками.

За подарочек – отдарочек

А вот откуда традиция такой безвкусной роскоши, такой «навороченности» этих самых подарков, чтобы по пуду золота и «брюликов» на каждой бедной книжке (как ее читать-то, как страницы перелистывать?), а на настольную лампу для какого-нибудь никчемного министра чуть ли не сама Хозяйка Медной горы должна план по самоцветам перевыполнять? Да из той же нашей, такой далекой и близкой одновременно азиатчины.

Вспомним из истории все эти русские посольства в далекие восточные и западные земли, которые везли с собой фуры, груженные тысячами соболиных шкурок, драгоценностей.

«Передняя частного пристава накануне большого праздника». Худ. Павел Федотов

денеги» (на Рождество, Благовещение, Пасху, Успение, Введение и на Усекновение главы Иоанна Предтечи) и ежегодная раздача соли, причем ее ждали не только подьячие, но и сторожа, которые могли ведь и не допустить до начальства.

«Почесть» причиталась всем до самого последнего служивого человека, причастного к делу. Те, кто думал, что можно поднести «почесть» одному боярину, «а дьяки-де и без почести станут делать поневоле, как боярин прикажет», сильно ошибались. Дьяки знали много способов загубить дело. И не потому, что так уж дорожили материальной стороной, а потому, что, с их точки зрения, нарушался древний и почтенный обычай...

По мере приобщения России к цивилизации «госаппарат» начинает получать жалованье из казны. Это происходит в XVI веке: появляется сословие бюрократов, или, как по-русски привычнее, чиновников. Однако новая российская бюрократия от такой замечательной традиции, как кормление, отказываться не собирается. Она теперь и жалованье получает, и «кормится» с собственной должности. Петр первым стал бороться с

белки, вывороченные наружу, застывшие в бессмысленном смертельном ужасе.

На бородачке – рыжеватой и ощипанной – пена, смешанная с кровью.

Публика строит предположение с видом знатоков:

- Денатурированного хватил?
- Нешто от него такое будет? Столярный лак, не иначе.

Пьяного не ведут, а тащат. Туловище его осело, и ноги согнулись. Волочатся коленами по мостовой.

...Извозчики разлетаются врассыпную перед этим шествием. Кому же весело сажать дарового седока?

С большим трудом городской ловит одного из них, и сторожа водружают на него свою ношу. Голос хладнокровного наблюдателя:

- До вечера не дотянет...

Небольшое пояснение: в 1912 г. московские власти установили новые правила доставки бесчувственно пьяных в полицейские участки. Для этих целей городские могли привлекать извозчиков, которым за каждую перевозку выплачивалось 25 коп. из городской казны. Из-за инфляции военного времени это вознаграждение настолько обесценилось, что пьяные фактически превратились в «даровых» седоков.

До этого нововведения «сорокомучеников», допившихся до беспамятства и подобраанных на улице, в полицию доставляли по эстафете. Сторожа тащили «тело» до границы своего поста, где передавали его коллегам. Переходя таким образом из рук в руки, пьяница попадал в камеру полицейского участка. Кстати, в обязательную подготовку городских входило умение в одиночку поднимать пьяного с мостовой и перенести его на руках.

Вдохновленная благостной картиной отрезвления Москвы, городская дума решила обратиться к верховной власти с предложением полностью запретить в Москве продажу всех видов спиртного.

Пока это постановление ходило по инстанциям, жители Москвы продолжали оставаться разделенными на две неравные части. Одни вполне спокойно могли пить водку, коньяк или вина в стенах перворазрядных ресторанов или клубов. Другие должны были искать обходные пути.

По этому поводу один из газетных фельетонистов утверждал, что возле заведений, где продавалось спиртное, появился новый вид промысла. Выпивохи, не имевшие приличного облачения для посещения ресторана первого разряда, могли получить во временное пользование накрахмаленную манишку. Некий благодетель за небольшую мзду снабжал страждущих деталью одежды, позволявшей спокойно миновать швейцара. С помощью манишки посетитель самого «товарищеского» вида сразу же превращался в «барина», перед которым уже нельзя было захлопнуть двери ресторана.

Разрешая торговлю горячительными напитками в перворазрядных ресторанах и клубах, власти основывались на простом утверждении: народ пьет без меры, в пьяном виде дебоширит или валяется на улицах. Следовательно, его надо лишить источника соблазна. А вот благородная публика, даже выпив, ведет себя культурно, поэтому ей можно оставить доступ в «оазисы».

При этом как-то упустили из вида, что сами же провозгласили лозунг единения общества для отражения натиска опасного врага. Получилось явное противоречие: с одной стороны, власти призывали народ сплотиться, а с другой – разделили на «чистых» и «нечистых». Но «голь» по старой русской традиции снова оказалась хитра на выдумки...

Жертвы трезвости

В обиходе военного времени прочно обособилось слово «ханжа» – обозначение смеси разведенного денатурата с различными добавками. Например, на Хитровке, где, по сообщению врачебного надзора, к концу 1914 г. число обитателей ночлежек заметно сократилось, но пьянство не уменьшилось, «ханжу» предпочитали готовить на клюквенном квасе.

Понятно, что употребление заменителей водки не могло обойтись без печальных последствий. В газете «Утро России» прочно обосновалась рубрика с довольно двусмысленным названием – «Жертвы трезвости». В ней в двух-трех строках сообщалось о случа-

ях смерти от алкогольных суррогатов. Текст заметок не отличался разнообразием: такой-то или такая-то, выпив денатурата (древесного спирта), рассталась с жизнью. Или: «выпил вместо водки большое количество одеколона и вскоре умер».

С другой стороны, о парфюмерии военного времени сохранились и положительные отзывы. В «Записках солдата» Д. П. Оськин отметил «Одеколон № 3», выпущенный в продажу аптекарской фирмой «Феррейн» после запрета водки. По сути, это был разведенный примерно до 50° спирт, одобренный лимонной эссенцией. По свидетельству мемуариста, «номер третий» на вкус напоминал водку, настоящую на лимонных корках. Торговали этим одеколоном в аптеках в расфасовке по 200 и 400 граммов, по полтора рубля за маленький флакон.

Во второй части мемуаров, в «Записках прапорщика», Д. П. Оськин упоминал, что на фронте среди офицеров в отсутствие коньяка или вина в ход прекрасно шел одеколон.

В тылу, впрочем, тоже не зевали. Вот одно из свидетельств: фрагмент фельетона В. Федоровича «Отечественная «промышленность», опубликованный в «Голосе Москвы»:

«Приехали мы в грязный закоулочек Сокольников.

Автомобиль остановился у покривившихся ворот с большой вывеской: «Парфюмерная фабрика И. С. Прыща».

– Вы – парфюмер! – удивился я.

– А вы только узнали?.. Батенька мой, со времени войны я уже купил два дома в Москве, вот – автомобиль, бриллианты жене...

В грязном дворе стояла длинная очередь.

– А это кто?

– Клиенты.

– Ночью?..

– «Ночью и днем только о нем...» – весело прогудел Прыщ.

Вошли в помещение.

У прилавка стояли ряды покупателей и вели с продавцами довольно странные диалоги:

– На полтинник.

– Какого запаха?

– Все равно – только покрепче.

– Имеется флёр д'оранж, ситрон-де-Ямайка...

– Сколько градусов в ситроне?

– Семьдесят.

– Можно пополам?

– Можно.

– Валяйте ситрон.

Мелькали быстрые руки, звенели деньги, хлопали двери.

Прыщ предложил нам «понюхать» его одеколон.

Мы «вынюхали» по полстакана ситрона и почувствовали, как по телу побежали приятно-колющие искры.

Прыщ был в восторге творца, или, по меньшей мере, маленького Колумба, открывшего неведомое доселе богатство:

– Божественно! Очаровательно! Нектар! И какой спрос!

Министр финансов П. Л. Барк. 1915 г.
Справа: Российский император Николай II на теннисном корте. Крым, Ливадия, 1910 г.

Он вывел нас с «завода», посадил в автомобиль и повез к Покровской заставе.

Здесь также торжественно блистали на прикрывшихся воротах золотые буквы «Парфюмерная фабрика И. С. Прыща», также змеилась очередь, и пахло цветущими апельсинами.

И снова на ободранном закоулочке «фабрики» мы «вынюхали» по несколько стаканов разных запахов и закусывали ветчиной...

Имеются и факты вполне официального характера. Например, в феврале 1915 г. на совещании в городской управе по борьбе с торговцами денатуратом демонстрировалась целая коллекция «питьевых» одеколонов: «бергамотный», «апельсиновый», «померанцевый», «лимонный», «вишневый» и прочие.

Тогда же было решено создать «особое совещание» более высокого уровня: с участием главноначальствующего и городского головы. Причиной послужила статистика, представленная городской управой. С момента запрета продажи водки в московские больницы было доставлено около пятисот человек, отравившихся различными суррогатами водки; из них ослепло – 87, умерло – 82 (из них 10 от одеколона).

Телеграмма Николая II

Характерно, что в начальный период действия запрета на спиртное власти и общественность не придавали особого значения проблеме «суррогатного пьянства». На фоне всеобщего отрезвления считалось, что «ханжу» и прочую гадость пьют неизлечимые алкоголики, которых не так уж и много.

Сторонники всеобщей трезвости ликовали – Николай II одним росчерком пера ликвидировал винную монополию и разрешил

местным властям вводить «сухой закон». Как это частенько бывало у российского самодержца, его благодеяние обрушилось на подданных совершенно неожиданно.

7 октября в газетах были напечатаны ответные слова императора на обращение Всероссийского трудового союза крестьян-трезвенников: «Я уже предпринял навсегда воспретить в России казенную продажу водки». А уже через день царь распорядился полностью запретить национальный напиток.

Даже сотрудники Министерства финансов, ведавшие винной монополией, оказались в растерянности. Один из ответственных руководителей отдела казенной продажи напитков признался корреспонденту «Утра России», что телеграмма Николая II «застала нас положительно врасплох. О ней мы узнали точно также как и вы, только сегодня утром по прочтении газет». Правда, чиновник тут же оговорился, что «с точки зрения бюджетной, упразднение винной монополии не представляет ничего опасного. Ибо хотя она являлась удобным и легким средством получения доходов, но, во-первых, налоги, получаемые путем продажи водки, распределялись неравномерно между различными областями и народностями империи: в Польше, например, питейный налог на душу населения был вдвое меньше, чем в центральной России, мусульмане почти ничего не платили; а, во-вторых, нельзя не признать, что трезвая Россия, особенно трезвая деревня... не в пример теперешней полупьяной... во много раз увеличит свою покупательную способность на другие полезные продукты, как, например, сахар, чай, спички и т. п., которые можно будет обложить увеличенным небольшим налогом...»

Поскольку внезапно оказалось неостре-

Склад Жигулёвского пивзавода в Пензе. Начало XX в.

Владимир Кадулин, Карикатура

бованным огромное количество спирта, в Министерстве финансов наметили пути его реализации. Во-первых, решили принять меры по облегчению вывоза ректификата за границу. Во-вторых, срочно приступили к подготовке конкурса изобретений, позволявших расширить области применения спирта в различных областях техники. В Минфине надеялись, что будет найден способ превращения спирта в продукты, ничего общего с алкоголем не имеющие: хлороформ, каучук и т. п., либо ему найдется новое применение «в области движения, отопления и освещения». Отдельная премия полагалась: «За превращение спирта в продукты с самым незначительным содержанием алкоголя, при условии, что отделение последнего от них невозможно или будет стоить очень дорого».

Исполняя распоряжение верховной власти, главнаначальствующий дал наконец-то ход постановлению городской думы. Распоряжением генерала А. А. Адрианова полный запрет на продажу всех видов спиртного в Москве вступил в силу 1 ноября 1914 г.

Как отмечали московские газеты, накануне введения всеобщего отрезвления ренсковые погреба и магазины были переполнены покупателями. Москвичи толкались в длинных очередях, чтобы запастись вином к Рождеству и Новому году. В «Елисеевском» запасы спиртного были опустошены уже к 6 часам вечера. По замечанию «Утра России», среди владельцев ресторанов и винных складов царил растерянность и подавленность. Многие говорили о предстоящем разорении.

Но, пожалуй, первыми, кому «сухой закон» сломал жизнь, были продавцы, или, как их тогда называли, «сидельцы», продававшие водку в казенных лавках («монопольках»). Побывав в акцизном управлении, московский журналист поделился с читателями впечатлениями от знакомства с этой категорией «жертв трезвости»:

«Судьба монополии решена бесповоротно. Какая участь грозит вдовам мелких чиновников, старым инвалидам – всей этой армии «сидельцев» из винных лавок?

Работы у них теперь нет, и они осаждают акцизный округ, стараясь узнать свое будущее. Чистенькие люди; неразрывными нитями они были связаны с водкой.

Под желто-зеленой вывеской они нашли верный, обеспеченный и, казалось, ненарушимый приют для своей старости.

Старики застыли вдоль стен, как нищие на паперти.

– У вас же были вычеты на пенсионный капитал? – спрашивает надзиратель у древ-

ней старушки, похожей на начальницу института, – будете получать пенсию.

– Ну, какая же пенсия... Гроши... А самое главное, у меня была квартирка при лавке, казенная. Я так сжилась с ней. Каково это старому человеку покидать насиженное место...»

Вслед за «сидельцами» под массовое сокращение попали служащие ресторанов и трактиров. Но, как ни странно, ропота в их среде не было. На общегородских собраниях своих профессиональных союзов повара и официанты приняли одинаковые резолюции, в которых они заявили, что не будут протестовать против постановления городской думы. Единственное, о чем просили: обратить внимание на их тяжелое положение, вызванное усиливающейся безработицей.

Безоговорочно приветствовали «сухой закон» профсоюзы металлистов, пекарей, архитектурных и строительных рабочих, обработчиков дерева, фельдшеров, фельдшерниц и акушеров, вегетарианское общество и многие другие.

Полемизируя с «трезвенниками», Биржевой комитет пищевых и винных продуктов отрицал утверждение, что разрешение торговли вином вызовет массовую фальсификацию благородного напитка. Аргументами служили ссылки на закон, запрещавший производство фальсификатов, и обязательное постановление от 19 сентября 1914 г., подписанное главнаначальствующим. Последним документом устанавливалась система продажи вина в Москве: его разрешалось отпускать только в бутылках, снабженных этикеткой, на которой было указано название оптовой фирмы-поставщика. Перечень таких фирм, зарегистрированных «Московской пищевой продуктов и винной биржей», был определен тем же постановлением.

Конечно, торговцы вином с безупречной репутацией, вроде Лева или Декре, могли гарантировать качество. Только вот непонятно, как тогда относиться к утверждению одного из представителей удельного ведомства о том, что годового объема продукции крымских и донских виноделов Москве хватило бы всего на два месяца. В таком случае какими напитками будут торговать в остальное время?

Сомнения в возможности обуздать фальсификацию, прозвучавшие в конце ноября 1914 г. на специальном «виновном» совещании в городской думе, не позволили противникам «сухого закона» добиться реабилитации вина. Окончательное решение было отложено на неопределенный срок.

Пока рестораторы и виноторговцы боролись с думой, обыватели из числа тех, у кого не исчезло желание выпить, искали пути утоления жажды.

«Spirtum vini»

Среди мест, где они пытались добыть спиртное, на первом месте стояла аптека. В обязательном постановлении от 1 ноября говорилось: «Продажа и отпуск (...) спиртных напитков для лечебных целей разрешается отдельным лицам по рецептам врачей...» Обзаведясь различными, порой сомнительного качества, медицинскими предписаниями, москвичи ринулись в аптеки.

Обыкновенно это просто записки, написанные до невозможного безграмотной медицинской латынью, то «Spirtum vini», то «Spirtum atropini(!)», то просто «Spirtum», можно было прочесть в газетах того времени. Подписаны записочки, конечно, или весьма неразборчиво, или такой общеупотребительной фамилией, как Иванов, Петров и т.п. Отчетливо и резко стоят в них только первые буквы «Д-г».

Довольно часто записочки эти бывают снабжены штемпелями врачей, что, однако, несколько не меняет вопроса об их действи-

тельности. Раз можно подписаться за врача, можно и украсть его бланк...

Фармацевты жалуются. От наплыва жаждущих «Spirtum» нет спасения. Хорошо еще, если это мужчины – с ними разговор короткий. Бросят им назад их «рецептик», они быстро ретируются, не оглядываясь... Дамы затевают скандалы, слышатся нередко трагические крики:

– Вы меня оскорбляете!

Помимо поддельных рецептов, аптеки имеют дело и с настоящими, и – тоже не в малом числе. С ними много возни – звонки по телефону к прописавшим спирт врачам, справки во врачебном управлении и т.д.

Но и в этих случаях, по крайней мере в их большинстве, не остается сомнений, что спирт, по каким бы рецептам ни отпускался, предназначен для той же цели, что и «Spirtum vini», и «Spirtum atropini»...

В декабре 1914 г. газеты писали, что мошеннические проделки с рецептами приобрели в Москве характер вакханалии. Аптеки наводнили искусные подделки рецептов, выполненные типографским способом. Единственное, что отличало эти бланки от настоящих, – отсутствовал номер телефона врача. Выявляя фальшивки, аптекари взяли за правило звонить докторам с просьбой подтвердить подлинность рецептов.

Конечно, не все врачи и аптекари были «жестокосердны». Как раз в то время в Москве много говорили об именинах некой Екатерины. Ее гостей ждал роскошно сервированный стол, на котором возвышались целые батареи бутылок с коньяком и вином. А показателем качества предложенных напитков служили прикрепленные к горлышкам аптечные сигнатурки.

В последний день 1915 г. корреспондент «Утра России» отметил: «...вчера в винных магазинах и аптеках наблюдалось необычайное скопление публики с «рецептами».

Не хотят москвичи мириться с трезвой встречей Нового года и будут «лечиться» в семейном кругу».

Со временем в продаже появились вполне легальные «питьевые» одеколоны.

Осенью 1916 г. уже упоминавшийся Д. П. Оськин наблюдал работавшую без сбоев систему потребления аптечной продукции:

«Недалеко от Ляпинки (общезитие на Б. Серпуховской улице, где во время войны размещалась команда выздоравливающих солдат. – Ред.) помещается чайная «Петроград». Эта чайная служит излюбленным местом пребывания низшей администрации и зажиточных солдат нашей команды. Заходил в нее несколько раз и я, и никогда не встречал ни одного трезвого человека, хотя водки там конечно не подавали.

Секрет раскрывался очень просто: рядом с чайной помещался аптекарский магазин, в котором постоянно можно было видеть чуты ли не очередь покупателей одеколона № 3. [...]

Солдаты, мастеровые, приказчики, служащие запасаются этим одеколоном, приходят в чайную, требуют для видимости бутылку ситро, наливают немного ситро в стакан и добавляют затем до краев одеколоном. ...Я, грешный человек, в день получки жалованья, когда мне выплатили положенные по разряду шесть рублей, тоже попробовал этот одеколон, израсходовав на него три рубля, т.е. половину своего месячного бюджета...»

Только самые наивные из жителей Москвы не знали, как, невзирая на запреты, можно получить спиртное в заведениях трактирного промысла. А непросвещенные могли почерпнуть полезные сведения из газет, где бытописатели помещали зарисовки с натуры, вроде этой, опубликованной в январе 1915 г.:

«– Человек, порцию ромштексу, – требует посетитель.

– Вам как прикажете, соус отдельно подать?

– Какой соус?... Ах, вот что! Ромштекс! Конечно, конечно, отдельно. И, пожалуйста, еще стакан чаю.

Официант приносит кусок жареного мяса, соусник, наполненный «соусом», и стакан чаю.

И посетитель, оставив мясо, подливает в чай «соус» и пьет, вкусно шелкая языком и сладостно шуря на соусник.

– А что у вас на садкое? – спрашивает он, покончив с соусом.

– Маседуан из французских фруктов.

– Прошу.

Официант приносит «маседуан» (смесь из фруктов, политая спиртом или вином, рецеп-

тура ресторанных блюд не регламентировалась ни одним официальным документом. – Ред.) Посетитель пробует ложечкой юшку, замирает от наслаждения, кивает одобрительно головой и шепчет лакею:

– Пожалуйста, голубчик, еще три порции этого самого... «маседуана». Да не забудь лимончику и сахарной пудры.

– Слушаюсь-с».

Кстати, о ценах на спиртное в период «сухого закона». Журналист «Голоса Москвы», публиковавший свои обозрения под псевдонимом «Янт», в канун Пасхи 1915 г. писал: «Запрещение продажи вина действовало только первое, весьма недолгое время. Очень скоро это запрещение повело лишь к тому, что за вино брали неслыханные цены, тем самым установив новый, весьма тяжкий налог на обывателя.

Жадность в этом направлении доходила до того, что, например, за бутылку рябиновой стоимостью в рубль с четвертаком брали по 8 р.; за трехрублевый коньяк – 15 р. И дороже».

Калужский курорт

Ну и, наконец, приведем описание еще одного способа, который помогал москвичам противостоять принудительной трезвости. Он был связан с тем обстоятельством, что в соседних губерниях – Калужской и Владимирской – власти не стали запрещать вино.

Описание нового для москвичей явления – поездок на «калужский курорт» – появилось на страницах «Утра России» в ноябре 1914 г.:

«– Билет в Калугу? – переспросил носильщик и очень тонко усмехнулся. – Не достанете, барин. Раньше запастись надо было. Теперь все до Калуги едут.

Меня удивила эта популярность, такая неожиданная.

– Почему? Что там?

Усмешка носильщика сменилась недоумением.

– Будто не знаете?... Раньше калужское тесто было, а теперь... другое... Устремляются вроде как к источнику живой воды. Курорт, можно сказать...

Курс лечения... Туда едут без багажа, без всякого, а оттуда возвращаются нагруженные корзинами... Надо бы добавочные поезда назначить; не хватает местов. Калужские источники от трезвости очень помогают... Целебные источники открылись там, из виноградного вина крепостью не выше 16 градусов... В Москве и этого нет, ну вот и едут...

Глухо подошел поезд, и я увидел их, этих калужских путешественников. Курорт успел оказать свое действие: лица пылали, глаза блеснули. Все пошатывались от пережитых впечатлений; были и мужчины и женщины.

И у каждого, как и предсказывал носильщик, в руках корзинка или чемодан, тяжелые, неудержимо стремящиеся к полу. Калужская вода!..»

...В 1914 году сторонники «сухого закона» исходили из простой формулы «запрет = всеобщее отрезвление». Попытки думающих людей взглянуть на решение проблемы народного пьянства как на уравнение со многими неизвестными предавались анафеме. Любая критика объявлялась лоббированием интересов производителей и торговцев вином.

Чиновники продолжали вводить новые ограничения или устанавливали премии в 200 тысяч руб. изобретателю «рвотного» денатурата. А народ продолжал пить.

Как известно, «сухой закон» в Америке породил мафию. Насколько абсолютный запрет на спиртное привел царизм к краху и способствовал победе большевизма, еще предстоит выяснить. По крайней мере, уже в августе 1915 года «Голос Москвы» отмечал: «В газетах некоторых нейтральных стран появились известия, что прекрасная сама по себе мера по уничтожению водочной монополии, которой не могло добиться общество столько лет, была так быстро принята именно во время войны не без влияния некоторых лиц, которые, может быть, и не знали, что в Германии рассматривают это, как лучший способ поколебать финансы страны... Во всяком случае, если противна пьяная Россия, когда она дает деньги в казну, то также противна пьяная Россия, когда она отравляет себя, деньги свои отдает отравителям и при этом притворяется трезвой...»

Я САНТА-КЛАУС, РУКИ ВВЕРХ!

Сергей МАНУКОВ

Специально для «Совершенно секретно»

«Веселая» традиция, начало которой было положено в городе Циско

94 года назад Рождество 1927 года до сих пор помнят не только в техасском городке Циско, но и во всех Соединенных Штатах. Утром 23 декабря в Первый национальный банк, что на Мейн-стрит, вошел Санта-Клаус, следом за ним ввалились трое мужчин. Они выхватили револьверы и закричали: «Руки вверх! Это ограбление!»

Злоумышленники набили деньгами и облигациями целый мешок, который Санта прятал под своим красным халатом. Тем временем одной из посетительниц удалось выскользнуть через черный ход. С криками «Банк грабят!» она бросилась в полицейский участок. Когда грабители подбежали к оставленной в переулке машине, там их уже поджидал шеф полиции Бедфорд с двумя помощниками и десятком вооруженных горожан. Завязалась перестрелка, в которой Бедфорд получил пять пуль. Грабители захватили заложников и, прикрываясь ими, как щитами, двинулись к переулку, затем затолкали заложников в машину и рванули с места.

Началась погоня. На окраине города грабители увидели, что у них вот-вот кончится бензин. К тому же помощник Бедфорда сумел прострелить заднее колесо их автомобиля. Преступники остановили проезжавший «олдсмобил» и выкинули из нее сидевшего за рулем 14-летнего паренька.

Как раз в этот момент их настигли преследователи. Вновь завязалась перестрелка. К ужасу своему бандиты обнаружили, что мальчишка захватил с собой ключи от машины, и завести ее они не смогут. Отстреливаясь, они бросились назад к своему авто (правда, одного раненого сообщника, потерявшего сознание, пришлось оставить в «олдсмобиле»). Как только грабители тронулись с места, они сообразили, что вместе с товарищем забыли в машине и мешок, в котором находилось 12 тысяч 400 долларов наличными и облигации на сумму 150 тысяч.

Им удалось вновь оторваться от преследователей, которых к тому времени было уже больше ста. Преступников разыскали на следующий день недалеко от городка Грэхем. Первым схватили истекающего кровью

«Санта-Клауса», а через несколько часов были пойманы и его сообщники.

Организатором преступления оказался Маршалл Рэтлифф, уже судимый за ограбление банка и незадолго до Рождества вышедший на свободу. Он жил в Циско и вырядился Санта-Клаусом, чтобы его не узнали. Его осудили первым. Сначала Рэтлиффу дали 99 лет за организацию ограбления, а потом приговорили к смертной казни за убийство шефа полиции.

Луис Дэвис, брошенный в «олдсмобиле», скончался от ран в больнице на следующий день. Генри Хелмса приговорили к смертной казни. Пожизненное заключение получил Роберт Хилл. Он трижды бежал из тюрьмы, и каждый раз его ловили. В 1946 году Хилл попал под амнистию. Он вышел на свободу, сменил фамилию и стал, говорят, примерным гражданином.

Маршалл Рэтлифф тоже пытался бежать. Ему удалось завладеть револьвером, и он смертельно ранил одного из надзирателей. Но второму удалось скрутить преступника. Вечером у тюрьмы собралась целая толпа. Горожане выволокли Рэтлиффа из камеры и попытались повесить на телеграфном столбе. Вербка не выдержала веса Рэтлиффа и порвалась. По обычаю, приговоренному в таких случаях даровали жизнь. Но жители Циско нашли веревку потоньше и вздернули бандита, который успел крикнуть: «Простите меня, ребята!» Никто из участников этого самосуда не был осужден.

А Первый национальный банк работает до сих пор. В его фойе висит картина с изображением знаменитого ограбления, стоявшего жизни шести людям. А в 1967 году власти постановили повесить на банке еще и мемориальную доску.

У Маршалла Рэтлиффа, кстати, нашлось немало последователей. В прошлом году мужчина с приклеенной бородой, в белом парике и костюме Санта-Клауса ограбил мотель в городе Браун-сити, штат Индиана. Угрожая пистолетом, он заставил портю отдать ему все деньги из кассы, а затем уехал в неизвестном направлении на «шевроле». Еще один «Санта» ограбил автомагистраль в Уэст-Йорке, штат Пенсильвания. На западе Швеции трое вооруженных «Санта-Клаусов» в течение одного дня совершили целых три налета. Сначала ограбили парфюмерный магазин в Фалькенберге, затем гараж в Хильте и, наконец, магазин одежды в Кунгсбакке. «Может быть, им не хватало подарков», — не без юмора прокомментировал эти ограбления представитель местной полиции. ■

Помощник шерифа одного из американских штатов обыскивает Санта-Клауса, «просившего подаяние в слишком агрессивной манере»

СТАЛИН И ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЕЛОЧКИ

Андрей ВЫПОЛЗОВ

Специально для «Совершенно секретно»

«Совершенно секретно»:

В праздновании Нового года есть что-то волшебное. Казалось бы, еще один заурядный переход месяца в месяц, смена одного календаря другим, но нет же, миллионы и миллионы людей по всему свету ожидают этот день с надеждой и радостным предвкушением, как будто и впрямь свершится чудо, и аниматор с бутафорской ватной бородой воплотит желания детей и взрослых. А завтра уже с самого утра все будет просто замечательно. И ароматно пахнущее хвоей, украшенное гирляндами и яркими игрушками колючее дерево само собой щедро оделит всех подарками. Забытое детское чувство, внезапно пробуждающееся в конце декабря... Возможно так бы и спало, и незаметно шаг за шагом, день за днем старый год перешел в новый, когда бы не ёлка...

Кажется, нет в обиходном русском сознании ничего более доброго и искренне радостного, чем обычай ставить и наряжать эту колючую лесную красавицу. Во многих семьях существуют настоящие ритуалы, когда ее ставят, как наряжать, чем украшать... Как реликвия хранятся ящики с игрушками, помнящими бабушек и прабабушек нынешней ребятни. И всякий раз украшение ёлки сопровождается долгими светлыми воспоминаниями о прошлых новогодних празднествах, о

Вверху: Павел Постышев приносит Новый год советскому народу.

Слева: Новогодние игрушки. Артель «Изокульт» Конец 30-х годов прошлого века.

Внизу: статья Постышева в «Правде»

тех, кто был рядом, о тех, кого, порой, так не хватает. И звучат рассказы об истории семьи и рода, о том, что собирает людей вместе и дает силы переживать любые невзгоды.

И странно, нелепо предположить, что кто-то, когда-то мог бороться с традицией ставить ёлки. Бороться всерьез, закусив удила, словно ёлка была злокозненным врагом, притаившимся под невинным древесным образом.

Первый раз над ёлкой сгустились тучи в годы Первой мировой войны, в 1916 году. Тогда в угаре борьбы со всем германским Святейший синод потребовал отменить эту перенятую у немцев традицию. За ёлку вступился Распутин, император Николай II вынул его словам, и традиция выжила. Она успешно прорвалась сквозь бури Революции и гражданской войны.

Более того, кто-то может быть еще помнит рассказ старого большевика Владимира Бонч-Бруевича о поездке Ленина к детям на ёлку в 1919 году. Затея могла закончиться для Ильича трагически — по дороге автомобиль остановила банда налетчиков и выкинув из машины вождя мирового пролетариата и его водителя, скрылась в ночи. Но это не помешало Ленину прийти к детям и радостно водить с ними хоровод вокруг ёлки. История нашла широкое отражение в советской живописи и, казалось бы, с таким-то высочайшим «заступничеством» ей ничего не угрожает. Более того, незадолго до смерти Владимира Ильича он сам ставил ёлку для местных детей на даче в Горках, а не! В 1927-м году на «рождественское дерево» обрушилась настоящая буря.

Ёлка внезапно была признана частью «поповской пропаганды». Даже то, что всего-то чуть больше десяти лет назад эти самые попы требовали запретить ёлку, не спасло ее.

Новый год официально был признан рабочим днем, а за продажу елок полагался высокий штраф или же месяц исправительных работ. Пропаганда бушевала, в частности журнал «Огонек» в 1928 году сурово требовал: «До сих пор вместе с кружением вокруг дерева родители стараются привить детям ростки религии. Религиозные родители под видом «веселой ёлки» навязывают детям «боженьку» и другие небылицы вроде «рождественского деда». Большой вред приносит культ ёлки лесам. Давно уже следовало бы положить предел и мистическому вредному поклонению ёлке, и порче лесов. Мы надеемся, что агитация Союза безбожников окончательно соломит бессмысленный обычай. Вместо того, чтобы ставить ёлку на крест, поставим крест на ёлку!»

П. Постышев

ДАВАЙТЕ ОРГАНИЗУЕМ К НОВОМУ ГОДУ ДЕТЯМ ХОРОШУЮ ЕЛКУ

В дореволюционное время буржуазия и чиновники буржуазии всегда устраивали на Новый год своим детям ёлку. Дети рабочих с завистью через окно поглядывали на сверкающую разноцветными огнями ёлку и веселившиеся вокруг нее детей богатых.

Почему у нас школы, детские дома, если, детские клубы, дворцы пионеров лишаются этого прекрасного удовольствия ребятни? Почему-то, не иначе как «давние» заблуждения, оставили это детское развлечение, как буржуазную затею.

Следует этому неправильному осуждению ёлки, которая является прекрасным развлечением для детей, положить конец.

Комсомольцы, пионерработники должны под Новый год устроить, организовать ёлку для детей. В школах, детских домах, в дворцах пионеров, в детских клубах, в детских кино и театрах — везде должна быть детская ёлка. Но должно быть и одного колхоза, где бы правление вместе с комсомольцами не устроило бы накануне Нового года ёлку для своих ребятшек. Горсоветы, председатели районных исполкомов, сельсоветы, ор-

ганы народного образования должны помочь устройству советской ёлки для детей нашей великой социалистической родины.

Организации детской новогодней ёлки наши ребята будут только благодарны.

Я уверен, что комсомольцы примут в этом деле самое активное участие и искоренят неслепое мнение, что детская ёлка является буржуазным предвзвешенным.

Итак, давайте организуем веселую встречу Нового года для детей, устроим хорошую советскую ёлку во всех городах и колхозах!

Плакат анти-ёлочной войны.
Внизу: Ленин на ёлке, Сталин в
окружении детей

И народ воспрял! Елочные базары появлялись, как из-под земли. Праздник вышел из подполья и вздохнул полной грудью. Та же «Правда» в некотором шоке сообщала 1 января 1936 года что к этому времени в ГУМе за три дня было продано: «годовой запас грецких орехов, 7 тысяч тортов, 10 тысяч бутылок шампанского и 4 вагона кондитерских изделий». Экономический эффект от праздника говорил сам за себя. А уж о моральном и говорить не стоило. Так что инициатива была признана удачной.

И хотя остряки той поры шутили, что теперь на ёлках вместо ИХ (Иисус Христос) следует писать ПП – Павел Постышев – это не умалило радости празднующих. Правда, Вифлеемская звезда сменилась красной пятиконечной, а среди игрушек появились аэростаты и красноармейцы на посту. Да и те самые орехи чаще всего, просто обертывались фольгой и вешались вместо шариков – голь на выдумки хитра, но разве это было важно?! Ёлка вновь пришла в каждый дом, неся радость и надежду на то, что в будущем все будет хорошо.

Критике подвергалось все, что хоть как-то было связано с любимой народом традицией. Владимир Маяковский, Демьян Бедный, Семен Кирсанов и многие другие поэты и писатели бичевали «церковный буржуазный обычай». Так Семен Кирсанов писал:

Ёлки сухая розга
Маячит в глазичи нам,
По шапке деда Мороза,
Ангела — по зубам!
Грудь дыханьем распёрта
В беге лыжном живом
— Праздником Зимнего спорта
Эти дни назовём!
Шире дыханья и руки,
На молодых парусах
Мимо жалкого хрюка
Рождественских поросят!

Широкие народные массы, в целом, зимние спортивные праздники вполне поддерживали. Санки, коньки, ледяные горки и лыжи весьма уважали, но от ёлок не отказывались. Причем среди уклоняющихся от соблюдения генеральной линии подчас встречались и ответственные советские работники. В народе ходил анекдот: «У некоего высокопоставленного сотрудника понятно каких органов спросили. Как он может ставить дома ёлку? На что он ответил: «Что такого? Гирлянды-то на ней красные!».

Невзирая на явный и тайный саботаж, власти не унимались. С истинно революционным напором они год за годом требовали от народа отказаться от «нелепого» обычая. «Известия» возмущались: «1930 лет гуляет по белу свету несуразная, нескладная рождественская сказка, состряпанная в угоду паразитам услужливыми лапами мракобесов на горе, на унижение угнетённых и обездоленных тружеников, на злое издевательство и надругательство над ними... Надеть ярмо рабочему на шею, ударить революцию крестом по голове — вот подлый классовый смысл рождественской легенды».

Юрий Никулин вспоминал, что в их школе висел огромный лозунг «Не руби леса без толку, будет день угрюм и сер! Если ты пошел на ёлку, значит ты не пионер!»

Лишиться в ту пору красного пионерского галстука было почти так же страшно, как и, во взрослом возрасте, партбилета. По сути, это был крест, несмываемое пятно, на судьбе школьника.

И вдруг все изменилось, как по мановению волшебной палочки. Возможно, посоха Деда Мороза. В конце 1935-го года в Москву приехал Секретарь ЦК компартии Украины Павел Постышев. Во время поездки по Москве между ним и Сталиным состоялся такой разговор (по воспоминаниям Никиты Хрущева, ехавшего вместе с ними) «Товарищ Сталин, вот была бы хорошая традиция и народу понравилась, а детям особенно принесла бы радость — рождественская ёлка. Мы это сейчас осуждаем. А не вернуть ли детям ёлку?». Сталин поддержал его: «Возьмите на себя инициативу, выступите в печати с предложением вернуть детям ёлку, а мы поддержим».

Рекомендация вождя — закон для партийца. Уже 28-го декабря 1935 года в основном печатном органе Компартии вышла статья Постышева о том, что надо вернуть советским детям праздник, что празднование Нового года не является поповским рождественским праздником и борьба с ёлками — это левацкий загиб.

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ДАРЫ

Р. ТЕРНЕР

Рисунок Юлии ГУКОВОЙ

Снега не было и в помине. Да и откуда ему было взяться, когда на улице стояла двадцатиградусная жара. Во многих дворах все еще зеленели кусты, шелестели листьями пальмы. Если на минуточку закрыть календарь, то можно было забыть и про то, что сегодня был сочельник, канун Рождества.

Что ни говорите, а Рождество – прекрасный праздник. Даже если вы живете во Флориде. Даже если вы в сочельник не с женой и ребенком, а на дежурстве. Я бы как-нибудь еще смирился с обычным дежурством, но нас в этот теплый вечер было четверо и мы собирались поймать беглого зэка и водворить его обратно. Или пристрелить его, что было более вероятно. Парня приговорили к пожизненному сроку. Так что он едва ли захочет возвращаться в тюрьму.

Рядом со мной в машине сидел Макки. Несколько месяцев назад он патрулировал улицы, а сейчас был уже детективом третьего класса. Совсем молодой парень с ясными глазами и розовыми щеками. Типичный американец. Из тех, кто очень серьезно относится к своей работе. В данном случае это было очень кстати. В профессии полицейского иначе и быть не должно.

Мы сидели в машине в четырех домах от дома, в котором жила миссис Боген с тремя детьми. На том же расстоянии, только с другой стороны, стояла машина с лейтенантом Мортеллом и детективом первого класса Трашером. За худобу Мортелла называли за глаза Спичкой. В уголках его рта навсегда застыли горькие складки. Глаза были под стать: в них днем с огнем не найти простых человеческих чувств. Он был в этот вечер главный. О Трашере могу сказать только одно: самый обычный парень и самый обычный полицейский. От остальных обычных копов он отличался разве что полнотой.

На другой стороне квартала, сзади от дома Богена, стояла еще одна машина из нашего участка. В ней сидели детективы первого класса Доди и Фишман. В их задачу входило перехватить Богена, если он улизнет от нас и даст деру через дворы.

Правда, я не очень верил, что у Доди и Фишмана в этот вечер будет работа.

– Знаете, сержант, – сказал Макки, – сдастся мне, что у этого Богена не все дома.

– Ты пришел к такому выводу, потому что он ведет себя как нормальный человек? – усмехнулся я. – Потому что хочет повидать на Рождество жену и детишек?

– Но он же не может не понимать, что это очень рискованно и что мы обязательно устроим засаду. Если его поймут, жене и детям будет еще хуже, разве не так? Какого черта он не послал поздравки по почте или с посыльным? Потом подзвонил бы просто по телефону и всех-то дел!

– Ты ведь, кажется, не женат, Макки?

– Верно, не женат.

– И у тебя нет детей, правильно? Поэтому я не могу тебе ответить на этот вопрос.

– Но я все равно считаю его ненормальным, – упорствовал напарник.

Я промолчал, потому что размышлял над тем, как вычислить имя гаденыша, который позвонил в полицию и сказал, что Эрл Боген может явиться на Рождество домой. В списке моих моральных ценностей такой поступок стоял на одном из последних мест. Если я найду этого стукача, то ему мало не покажется. Я устрою ему «сладкую» жизнь, чего бы мне это ни стоило.

Потом я вспомнил, что мне сказал час назад лейтенант Мортелл.

– Тим, – ухмыльнулся он своей фирменной холодной улыбкой, от которой у многих пробегал по спине холодок, – боюсь, ты не очень хороший полицейский. Знаешь, в чем твой главный недостаток? В излишней сентиментальности. Неужели ты не знаешь, что полицейский не может себе позволить быть сентиментальным? Ответь мне, будь добр, как с сентиментальностью у Богена? Вспомни менеджера финансовой компании, который после встречи с ним во время его последнего ограбления до конца своих дней останется инвалидом. Интересно, беспокоился ли этот подонок о жене и детях бедняги? Молчишь? Тогда я буду тебе очень признателен, Тим, если ты перестанешь вести себя как последний дурак.

Эта тирада была ответом лейтенанта на мое предложение позволить Эрлу Богену войти в дом; как ни в чем не бывало встретить Рождество с детьми и женой и взять его, когда он выйдет на улицу. «Мы же ничего не потеряем, – пожал я плечами. –

Ни малейшего риска. Давайте сделаем этому парню маленькое доброе дело».

От этих мыслей меня оторвал голос молодого Макки. Сейчас в нем слышалась неприкрытая скука.

– Как по-вашему, он действительно вооружен? Я имею в виду Богена.

– Думаю, да.

– Тогда я рад, что Мортелл приказал не рисковать и открывать огонь на поражение, если он сделает хотя бы одно лишнее движение. Наш лейтенант – умный и опытный полицейский.

– Да, таких, как он, называют хорошими полицейскими, – согласился я. – А ты видел его глаза?

– Ну а что с его глазами? – не понял напарник.

– Ладно, проехали, – махнул я рукой. – Смотри, автобус остановился.

Мы знали, что у Эрла Богена нет машины. Брать машину напрокат или добираться на такси было слишком рискованно. Да и с «бабками», по нашей информации, у него было не густо. Логичнее всего было бы предположить, что он приедет на простом

автобусе. Если, конечно, вообще приедет.

На этом автобусе Богена не было. Из него вышла женщина и пошла по авеню. Я вздохнул и посмотрел на светящийся циферблат часов. 22.50. Через час с небольшим нас сменят. Я надеялся, что все произойдет не во время нашего дежурства. Очень надеялся. Стукач вообще мог ошибиться, решив, что Боген поедет домой. К тому же любое из сотни событий могло заставить его отменить визит или хотя бы перенести его на следующий день.

Я откинулся на спинку кресла и принялся ждать следующего автобуса.

– Вы кого-нибудь убивали людей, сержант? – спросил Макки.

– Нет, – покачал я головой. – За все эти годы в этом, слава Богу, не было необходимости. Но при мне убивали.

– Правда? Как это было? – в голосе Макки послышалось легкое волнение. – Что испытывает полицейский, который стреляет в преступника?

– Не знаю, не спрашивал. Но я могу тебе рассказать, как он выглядел. У него был такой вид, будто его сейчас вывернет наиз-

знанку.

– Ясно, – с легким разочарованием протянул Макки.

Макки скорее всего тоже станет «хорошим» полицейским, подумал я. Отличным стражем порядка с холодным сердцем и без эмоций... И тут я, наверное, в миллионный раз сказал себе, что должен бросить эту профессию. Уйти сейчас, не откладывая на потом. Лучше рождественского подарка для себя и своей семьи придумать было трудно. Но в то же самое время я понимал, что никогда этого не сделаю. Наверное, из-за опасений, что уже не смогу жить обычной жизнью. Из-за страха стать обузой, как это было с моим отцом. Конечно, это тоже были веские причины для того, чтобы остаться, но не все. Если бы я сказал, что после многих лет работы в полиции эта работа входит в вашу кровь независимо от того, как вы ненавидите свою профессию, меня бы обвинили во лжи и позерстве. Но еще больше критики вызвали бы мои слова, что меня поддерживает надежда, что я смогу кому-то помочь, что я смогу хотя бы изредка делать добрые дела.

– Если мне придется стрелять в Богена, – уверенно заявил Макки, – он не закричит.

– Почему ты так уверен?

– Вы же знаете, как я стреляю, – самодовольно улыбнулся парень. – С такого расстояния я попаду ему в правый глаз.

– Не сомневаюсь, – кивнул я. – Только вот стрелять тебе не придется. Мы возьмем его тихо, безо всякой стрельбы. Зачем устраивать шум в сочельник?

Я замолчал, увидев поворачивающийся из-за угла автобус. Из него вышли мужчина и женщина. Женщина повернула на авеню, а мужчина, среднего роста и очень худой, пошел по нашей улице. Руки у него были заняты коробками и свертками.

– Вот и наш клиент, – сказал я. – Выходи из машины, Макки.

Мы вышли, каждый со своей стороны.

– Макки, ты знаешь приказ. Трашер подойдет к нему первым и приставит револьвер к его спине. Ты должен схватить его за руки и быстро надеть на него браслеты. Моя позиция – в нескольких шагах позади тебя. Я буду тебя прикрывать. Мортелл будет прикрывать Трашера. Усек?

– Все понял, – кивнул детектив Макки.

Мы двинулись навстречу Эрлу Богену. Сначала быстро, потом медленнее. Нам нужно было перехватить Богена до того, как он дойдет до дома, в котором жила его семья, и после того, как он пройдет машину с Трашером и Мортеллом.

Когда мы сблизилась на несколько метров, Боген вышел на относительно открытое место, где через ветки деревьев пробивался узкий луч лунного света. Он был без шляпы, в спортивной куртке, белой рубашке и коричневых брюках. Боген нес шесть небольших коробок и свертков, завернутых в яркую разноцветную бумагу и фольгу и перевязанных красивыми ленточками. На снимках в полицейском досье у него были длинные, почти до плеч волосы. Сейчас Эрл, наверное, в целях конспирации коротко подстригся и отпустил усы, но я все равно сразу узнал его.

Увидев нас, Боген замедлил шаг и тут же совсем остановился. Идущий за ним Трашер еле успел остановиться, чтобы не наткнуться на него.

– Живо бросай свертки и поднимай руки, Боген! – заревел он. – И без глупостей!

Эрл Боген бросил свертки, и они упали на тротуар. Две коробки раскрылись. В одной лежала игрушечная гоночная машина. При покупке Боген, наверное, чтобы проверить, заводил ее, и в ней осталось немного завода. Вывалившись из коробки, она с негромким жужжанием проехала с полметра и остановилась. Из другой коробки выпала кукла в белом свадебном платье. Она лежала на спине и смотрела в ночное

небо, закрытое сосновыми ветками.

Оберточная бумага свертка побольше начала темнеть. Наверное, вино, подумал я. Решил отметить Рождество с женой.

Выбросив свертки и коробки, Эрл Боген не поднял руки. Он молниеносно развернулся, и его локоть описал незамысловатую дугу. От звука его соприкосновения с лицом Трашера мне стало не по себе. Падая, Трашер инстинктивно нажал на курок револьвера. Он был направлен вверх, и пуля полетела в небо.

Рука Богена скользнула под куртку. Я выхватил револьвер, но выстрелить не успел. Меня опередил малыш Макки. Голова беглого эка откинулась назад, как будто кто-то ударил его ребром ладони под подбородок. Он сделал небольшой шаг назад, слегка покачнулся и упал на спину.

Я включил фонарик и бросился к Богену. На месте его правого глаза зияла страшная черная дыра. Макки сдержал слово. Я не смог побороть искушение и на долю секун-

ды осветил лицо парня. Оно было белым как мел. Но глаза моего напарника сверкали от возбуждения, а не от страха. Он не был похож на человека, которому сейчас станет плохо. Паренек нервно облизывал языком губы и повторял:

– Он мертв. Все кончено. О нем больше можно не беспокоиться. Он мертв...

Двери начали открываться, из домов повалили жильцы.

– Возвращайтесь назад! – крикнул лейтенант Мортелл. – Здесь не на что смотреть. Мы из полиции. Возвращайтесь к себе. Не подходите близко!

Конечно, его никто не слушал. Люди пытались подойти поближе, чтобы посмотреть на Богена, но мы стали стеной и не пускали их. Трашер уже пришел в себя и вызвал по радиации подкрепление и «скорую помощь».

– Тим, пойдй, поговори с его женой, – сказал мне Мортелл. – Скажи, что ей придется спуститься и опознать его.

– Почему я? – нахмурился я. – Почему бы тебе не послать Макки? Он у нас совсем не sentimentalный. А еще лучше – пойдй сам. Эта операция была твоей идеей, лейтенант. Надеюсь, ты еще не забыл это?

– Ты отказываешься выполнить приказ?

– Нет, – покачал я головой. Конечно, я хотел отказаться, но мне только что пришла в голову неплохая мысль. – Я все сделаю. Не беспокойся.

Я неторопливо двинулся к дому, в котором жила жена Богена с ребятами. Она открыла дверь, и я увидел блеклую, скудно обставленную гостиную. Стоявшая посреди комнаты сверкающая огоньками рождественская елка слегка разгоняла тоску и уныние бедности. Под елкой стояли аккуратно расставленные подарки. Вдали я увидел детей Богена, маленькую девочку лет шести и мальчика немного постарше.

– Да? – испуганно сказала миссис Боген. – Что вам нужно?

Я открыл было рот, но подумал о газетах. «Какой смысл? – промелькнула у меня мысль. – Все равно завтра все попадет в газеты». В следующую долю секунды я вспомнил, что завтра Рождество и что у газетчиков тоже выходной. В такой праздник далеко не все включают радио и телевизоры.

– Не бойтесь, – успокоил я ее. – Я захожу ко всем, кто живет в этом квартале, чтобы рассказать, что произошло. В дом неподалеку от вас пытался забраться вор. Мы застали его на месте преступления, мэм. Он бросился бежать. Бегал он быстро, так что пришлось стрелять. Но сейчас все кончено. Мы не хотим, чтобы люди выходили из домов и мешали нам работать. Пожалуйста, ложитесь спать. Вам ничто не угрожает.

Ее глаза и рот были широко раскрыты.

– Кто... кто это был? – спросила миссис Боген так тихо, что я с трудом расслышал ее вопрос.

– Мелкий воришка, – беспечно пожал я плечами. – Совсем еще молодой парень.

– Понятно, – сказала она.

На ее лице промелькнуло облегчение. Я понял, что не ошибся. Эрл Боген не предупредил жену о своем приходе. Наверное, хотел удивить. В противном случае она бы давно обо всем догадалась.

Я пожелал ей спокойной ночи и начал спускаться. За спиной послышался звук закрываемой двери.

– Бедный Боген, – вздохнул я, вернувшись к Мортеллу, – погиб ни за что. Его родных даже нет дома. Я разговаривал с соседкой. Она сказала, что миссис Боген уехала с детьми к матери и вернется только через два дня.

– Провалиться мне на этом месте! – выругался лейтенант. Он угрюмо смотрел, как санитары грузят носилки с трупом Богена в машину.

– И мне тоже, – тяжело вздохнул я.

Интересно, подумал я, что со мной сделает Мортелл, когда узнает, что я только что натворил, а он рано или поздно это обязательно узнает. Конечно, по головке не погладит, в этом я не сомневался. Но сейчас мне было наплевать на последствия своего опрометчивого поступка. Главным было то, что у миссис Боген и ее детей будет нормальное Рождество. Как у всех соседей. Конечно, на следующий после праздника день придется приехать и рассказать ей всю правду, но это будет уже совсем другой день.

Я был рад, что сделал доброе дело. Может, я дал им не так уж и много, но все равно хоть что-то, но дал. И у меня у самого повысилось настроение. Не много, совсем чуть-чуть, но повысилось. ■

Перевел с английского
Сергей МАНУКОВ

**СОВЕРШЕННО
СЕКРЕТНО**

«Совершенно секретно-Украина. Спецвыпуск»
№01 (178) от 12.01.2021
Учредитель и издатель:
ООО «Издательство Украинский Медиа Дом»

04080, г. Киев, ул. Кирпильовская, 104
Главный редактор Алексей ВЛАДИМИРОВ
Свидетельство о государственной
регистрации печатного СМИ
КВ № 24421-14361 ПР
выдано Министерством юстиции
Украины 13.03.2020
Адрес редакции/издателя:
04073, г. Киев, Куреневский переулок, 17Г
Телефон редакции: (044) 207-97-11

e-mail: sovsec@sovsec.kiev.ua
Цена свободная
Размещение рекламы
reklama@umh.com.ua
Тел.: (044) 207-97-00, (044) 207-33-05
Распространение и подписка
ООО «Издательство Украинский Медиа Дом»
Отдел розницы, тел.: (044) 207-97-00
Отдел подписки, тел.: (044) 207-97-25
При подготовке номера использованы

материалы международного
ежемесячника «Совершенно секретно»
Рукописи, присланные в редакцию,
не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать
с мнением автора.
Украинская редакция переписку с читателями
не ведет. Перепечатка только с разрешения
«Совершенно секретно-Украина».
Редакция не несет ответственности за содер-

жание рекламы. Во всех случаях типограф-
ского брака обращаться в типографию
ООО «Мега-Полиграф». Адрес: г. Киев,
ул. М. Вовчка, 12/14.
Тел.: (044) 451-86-70, (044) 581-68-15.
©«Совершенно секретно-Украина», 2020
Отпечатано в типографии
ООО «Мега-Полиграф».
г. Киев, ул. М. Вовчка, 12/14.
Тираж: 39000 экз. Заказ № 82096

у січні читайте:

- ЧОГО ЧЕКАТИ ВІД УКРАЇНСЬКОЇ ТА СВІТОВОЇ ЕКОНОМІКИ В 2021 РОЦІ?
- ЩО БУЛО НЕ ТАК ІЗ ЗАХІДНОЮ ПІДТРИМКОЮ УКРАЇНИ?
- ЯК СКОРО БАЙДЕН ЗАЛИШИТЬ ПУТІНА ЗА ДВЕРИМА?

вже

У ПРОДАЖУ

Свідоцтво
про держреєстрацію
Серія КВ,
24420-14360 ПР
від 13.03.2020р.

СПЕЦВЫПУСК
«Секреты истории»

